

Р А Д У Г А,

Ж У Р Н А Л Ъ

ФИЛОСОФИИ, ПЕДАГОГИИ И ИЗЯЩНОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

СЪ

присовокупленіемъ

ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ
ЗАПИСОКЪ,

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Книжка первая.

Bibliotheca
universitatis
Jurievensis

№ 98604

РЕВЕЛЬ. 1832.

Въ типографіи наследниковъ Липфорса.

Р А Д У Г А.

ГДѢ МЫ ИЩЕМЪ СВѢТА!

Издали, изъ стѣнъ Москвы бѣлокаменной Западъ намъ предспавляеся въ какомъ-то волшебнo-привлекательномъ сіяніи. Глубокомысленная Германія, просвѣщенная Франція, Англія! вы намъ Апланпида мудрости. Не однѣхъ упонченноспей житейскихъ, не одной виѣшней образованности ищемъ мы въ васъ; нѣтъ, просвѣщенія, высшаго просвѣщенія мы ожидаемъ опъ Байроновъ вашихъ, опъ Шеллиновъ, опъ Кузеней. Мы раболѣпно считаемъ себя невѣждами предъ вами. Гошovy мы сознапся, что умѣнне говоримъ на языкахъ вашихъ не возвышаемъ достоинства человека; гошovy мы согласишся, что выгодно опечесству, не пользовапся вашими мануфактурными издѣліями: но истиннаго, высшаго просвѣщенія мы не въ силахъ не искапъ въ

васъ. Самые ревностные поборники всего опечеспеннаго не въ силахъ не быть почипателями вашими, вашими невольными учениками. Они проникнуты убѣжденіемъ, что опъ васъ лишь искажаетъ истинный свѣтъ. Въ проспопъ своей, они вслѣдъ за вашею ученою чернью на перерывъ прославляютъ исполнское шаганіе Россіи по слѣдамъ вашимъ; ибо не знаютъ они иной, высшей цѣли, какъ только сравниться съ вами. Изрѣдка какимъ нибудь газетнымъ опзывомъ вы погладиите поголовкѣ прилежнаго ученика своего, наше Опечеспво, и мы съ радостію и подобоспрасптіемъ перечисываемъ и перепечатываемъ одобреніе ваше. Намъ до сихъ поръ еще не припорны опзывы мудрыхъ цѣнителей вашихъ, подобные опзывамъ Олеарія или Пепрся, что Русскіе поныпливы, что Русскіе имѣютъ удивительную способность перенимать; намъ и эщо уже утѣшеніе, и эщо поощреніе.

Говорятъ, что если кому безпрестанно пвердишь, что онъ съ ума сошелъ, то онъ наконецъ въ самомъ дѣлѣ можетъ почеспъ себя сумасшедшимъ. Не мудрено, что и мы почищаемъ себя варварами, когда намъ безъ умолку пакъ давно уже пвердятъ, что мы варвары, потому что брилья бородъ или чудесъ хп-

просии ремесленной или закромовъ ученосии не счишаемъ еще просвѣщеніемъ, а полагая, что это только внѣшняя образованность, увѣрены что и съ бороною и безъ умѣнія пересчиташъ по пальцамъ улицы въ Парижѣ и безъ знанія абсолютнаго идемпипента Шеллингова можно бытъ просвѣщеннымъ человекомъ, почто такъже какъ можно бытъ Европейски утонченнымъ всевѣдцемъ и въ поже время имѣть душу обуянную мракомъ мелочнаго, земнаго себялюбія. — Такъ давно уже безпрестанно слыша, что мы далеко опспали опъ Европы въ просвѣщеніи, что мы еще не освободились опъ Азіашской грубосии, мы наконецъ до такой степени увѣрились въ нашемъ невѣжествѣ, что еще и теперъ и даже избраннымъ нашимъ кажется, что мы неможемъ не учипся у Европы, что необходимо должны исканъ въ ней вмѣстѣ съ утонченносіями ремесленными и свѣта истиннаго просвѣщенія.

Долго ли, долго ли намъ еще вертѣться около Французовъ и Нѣмцевъ какъ около солнцевъ? Или мы не знаемъ, что они такія же темныя планеты какъ и мы? Въ синей дали намъ золотомъ сіяетъ материкъ Франціи, материкъ Германіи; мы съ негодованіемъ отвращаемся опъ черной земли опечесивенной, по-

гами нашими попираемой, и жаждемъ попонуть въ магическомъ свѣтѣ, окружающемъ въ глазахъ нашихъ сѣн мнимыя солнцы: но влѣпимъ лишь въ ашмосферу ихъ, опустимъ лишь на нихъ: такой же черносѣрой материкъ будетъ подъ ногами нашими, какъ и въ нашемъ опшечествѣ.

Но мало того, — не одно чувство оскорбленной гордости народной будетъ исполнять духъ нашъ, когда мы начнемъ спранспивовать съ наблюдательнымъ взоромъ по симъ звѣздамъ плѣнительнымъ: прѣпеть и ужасъ наполнять грудь нашу: вѣроломныя попи съ коварными огоньками, по нихъ блуждающими, съ смертоносными испареніями, ихъ обвѣвающими покрывающъ великую часть сихъ звѣздъ очаровательницъ. Въ члены наши проникнетъ холодъ ужаса при мысли, что и наши благословенныя поляны могутъ со временемъ засверкать такими же пагубными огоньками. Съ радостнымъ прѣпетомъ, если еще цѣлы, вырвемся мы изъ гибельнаго обаянія, чтобы снова лепѣть на свѣжія, еще не оплѣченные заразительными испареніями, равнины опшечественныя, и, на опытъ убѣдившись, что не въ Парижѣ, не въ Мюнхенѣ, не въ Берлинѣ должны были искать источника, откуда исскается

свѣтъ жизни, въ душевномъ воспоргѣ присоединимъ лепешаніе наше къ голосу Мудрыхъ опечесства, копорому прежде слѣдовать не хотѣли, и вмѣстѣ съ ними воспоемъ славу немнимаго солнца, испочника свѣта истиннаго.

Но гдѣ же это немнимое солнце? гдѣ же эпокъ испочникъ свѣта истиннаго? Тѣже самые гени-просвѣщеніи загородили его опъ насъ, тѣже самые, копорые, понося насъ невѣждами и варварами, усиливались завлечь насъ въ заблужденія свои. Ища свѣта мудроспи въ Кансахъ, Шеллингахъ, Кузняхъ, — мы забыли искать его въ Богѣ вочеловѣчившемся, забыли, что лишь Богъ вочеловѣчившійся есть солнце истинное, забыли, что лишь Богъ вочеловѣчившійся есть испочникъ свѣта мудроспи неплѣнной; и забыли что Онъ всегда близъ насъ, что живительные лучи Мудроспи Его намъ сколько же могутъ быть доступны, какъ и всякому избранному духу всѣхъ спранъ свѣта, что они равно освѣщаютъ и согрѣваютъ духъ человѣческій на Уральскомъ хребтѣ и въ Швейцарскихъ долинахъ, въ теплыхъ полянахъ Швабин Шиллеровой и среди льдовъ колыбели Ломоносовой.

Небесный рудникъ небеснаго золота, Слово Мудроспи превѣчной опъ всякаго близко, вся-

кому доступно. Для чегже намъ недобываѣтъ сего золопа самимъ? для чего опсправляѣмся искаѣтъ его въ другихъ спранахъ, и даже еще не въ чиспопѣ первородной принимаѣтъ, а съ лигашурою заводчиковъ, и часпо, очень часпо одну мишуру вмѣспо благороднаго мешалла? Напрасно мы думаемъ, что собспвенный геній каждаго искашеля мудроспи можешъ, изучая умспвовашелей, огласившихъ славою Европу, легко опспичаѣтъ мишуру мечпаній опъ чиспаго золопа испины. Часпо, часпо прелеспными садами окружены знаменипые заводы прославленныхъ рудокоповъ испины; и часпо въ садахъ сихъ, посреди благоуханныхъ куспарниковъ, вмѣспо рудниковъ небснаго вѣденія, скрыпы мрачныя пещеры съ гуспымъ удушливымъ воздухомъ: какъ свѣча, задохнешся опуспившись въ нихъ духъ любомудрый, обьяшый плешворнымъ мракомъ подземелья.

И для чего намъ эпо изученіе всѣхъ опытовъ саомыслія человѣческаго. Къ чему все эпо зашверживаніе умспвенныхъ пересозданій природы и человѣка въ сиспемахъ опважныхъ мыслипелей? Двѣ книги опкрыпы предъ нами премудрымъ Творцемъ: одна книга — храмъ міра безпредѣльный; живыми гіероглифами повѣспвуешъ она намъ сиспему мудроспи Твор-

ческой, необъятную для ума ограниченнаго, но служащую во вѣки ему манною живишельною и усладишельною; и другая книга — святая святыхъ великаго храма; въ глубину ея не проникнешь духъ не возмужавшій въ вѣрѣ, надеждѣ и любви; но и не возмужавшему доступно шло Истины воплощенной, хлѣбъ съ небесе низшедшій, опъ избранныхъ ему предлагаемый.

Для чего намъ въ стремленіи къ числному введенію всесовершенной Истины проходить снова всѣ пути, по коимъ шли Платоны и Аристотели, Спинозы и Шеллинги? Руководи насъ, Избранные, въ чтеніи книги міра! предлагай намъ природу и человѣка въ ихъ естественномъ видѣ, а не въ искусственномъ, и не усавай насъ таинственной мудростію изъ книги Духомъ Святымъ на языкъ человѣческомъ начерпанной! При такомъ руководствѣ мы сами достигнемъ до созерцанія славы Божіей, и не зная какъ достигали или усиливались достигнуть сей цѣли великіе мыслители вѣковъ и народовъ, если только удостоимся быть вдохновенными Духомъ Божіимъ въ покорномъ исканіи нашемъ. Знанія же всѣхъ сиснемъ опъ Зороаспровой до Гегелевой не помогутъ намъ нисколько,

если мы въ ученіи нашемъ только богашества
умственнаго ищемъ, если только себя хощимъ
знать въ знаніяхъ нашихъ, если мы забыли, что
свѣтъ мудрости Христовой лишь тому до-
ступенъ, чье сердце чистою вѣрою въ Него
теплился, лишь тому, кто силенъ былъ воз-
родиться духомъ въ новую жизнь, кто умѣлъ
совлечь съ себя шло грѣховное и отвергнувшись
себя для Бога воплощеннаго.

Кто не возродился духомъ въ новую
жизнь, кто не отвергнулся своего мелочнаго
Я для воплощенной Истины, пошъ напрасно
будетъ спранспивовать по Германіи, Франціи,
Англіи, Италіи, по вѣкамъ Людовика XIV.,
Медицисовъ, Августа, Перикла, и, справедливо
восхищаясь великими умами на пути ему
встрѣчающимися, напрасно будетъ мечтать,
что уподоблется имъ, изучая ихъ. Боссюэ-
ты и Мильтоны, Торкваты и Клопштоки не у
человѣческихъ умовъ научились вѣдать серд-
цемъ и вѣщая успами славу Несозерцаемаго.
Свѣтъ мудрости Христовой насаждалъ и воз-
ращалъ въ самостоятельномъ духѣ ихъ сѣмя
истины, равно недоступной и своевольному
самомыслию и раболѣпному изученію самомыс-
лія другихъ.

И Сенека и Цицеронъ и Платонъ и Сократъ не чрезъ изученіе попытокъ и заблужденій ума человѣческаго удоспоились предчувствовать мудрость, человѣчеству еще неявившуюся. Неупомимо дѣятельнымъ духомъ усиливаясь пропировать влеченію къ землѣ, посильно отвергаясь ничтожнаго Я своего, они всю жизнь свою посвящали покорному, несвоевольному, но самодѣятельному исканію истины — и Истина, которая есть превѣчному Отцу соприсносущный Сынъ, ниспослала на нихъ благодать предвѣденія.

Напрасно не возрожденные, въ себя лишь, а не въ мудрость уже явившуюся, вѣрующіе, и въ мелочномъ себѣ сосредоточенные, мы будемъ изучать геніевъ, служащихъ украшеніемъ вѣковъ и народовъ: они насъ не научатъ бытъ истинно, чѣмъ сами были. Напрасно будемъ изучать смѣсь истины съ ложью въ твореніяхъ Кантовъ и Шеллинговъ: если и постигнемъ умствование ихъ, то все не будемъ даже и ими.

Но изучайте ихъ! проникайте въ глубину ихъ мудрованій! вы сами опть нихъ опвращите, узнавъ не глубокость ихъ вѣденія. Не утолился жажда безсмертнаго духа вашего

земною водою ихъ умснвованій, не воспламенитъ вась къ жизни небесной пусклое мерцаніе сихъ преходящихъ оисвѣтловъ Свѣша непльннаго.

Нѣтъ! не ихъ пускло-мерцающаго вѣденія алчешъ духъ мой безсмерпный, не ихъ мудрованія жаждешъ онъ! онъ жаждешъ, онъ алчешъ, бытъ осіаннымъ, бытъ просіаннымъ, бытъ воспаленнымъ лучами Самого превѣчнаго, живаго Свѣша!

Пуспъ Ариспшопели, Коперники, Невпшны прочли законы Бога въ природѣ, пуспъ Сократы, Платшны, Шиллеры видѣли сѣмя Божеспвенное въ человѣкѣ: но какой Сократъ, какой Платонъ видѣлъ Бога въ неприспунномъ свѣтѣ? кшо изъ нихъ вмѣспилъ въ вѣденіи ума своего Бога во всей припшоспасной лѣпшѣ Его? кшо изъ нихъ въ силахъ вѣденіемъ своимъ влилъ огонь вѣчной жизни въ сѣмя духа человѣческаго? Безсмерпной духъ мой знаешъ, знаешъ глубиною сердечною Того, Кшо видѣлъ Бога въ неприспунномъ свѣтѣ, въ Кого воплощился Богъ-Свѣтъ во всей всесовершенной лѣпшѣ Своей, Кшо проливаешъ огненныя спруи вѣчной жизни въ души вѣрующихъ: имя Его превъше всѣхъ именъ. Мой духъ чаялъ Его

и оспавилъ васъ, земныя свѣпила, и къ Нему успремился; и омытый опъ пыли земной и опвергнувшійся себя для Него, онъ удоспоился вкусить опъ Его свѣпного пѣла, испить опъ Его огневой крови, и — жизнь вѣчная заспурилась въ жилахъ его. И безбоязвенно онъ снова къ вамъ обратился, огни земные, и безбоязненно спалъ снова слѣдишь скипаніе ваше по гніющимъ попямъ земнаго вашего вѣденія. Вы уже не погасите его, вы не превратите его въ пламя земное: онъ лучъ неслѣннаго Солнца.

Душа любомудрая! оставь изученіе мудростей человѣческихъ! Обратись сперва къ изученію Мудрости прежде вѣкъ рожденной! удоспойся вкусить сладчайшаго Слова превѣчнаго, — и ты свѣше ослѣнена и вдохновенна и проникнуша будешь Духомъ Божиимъ. Тогда, если хочешь, слѣди извилизныя спези, по коимъ блуждалъ умъ человѣческій. Тогда ты уже не сошворишь кумарами очаровательныхъ мудровашелей, изучая ихъ. Тогда ты не изъ ничтожной жажды, обладашь несмѣнными успвенными богатствами, будешь собирать опыты вѣковъ и народовъ; не изъ мелочнаго спремленія къ смертному безсмертію будешь всѣ силы духа швого напруганъ къ плодотворной дѣятельности. Ты будешь изучаешь и преслѣдоваешь движенія

ума и сердца и самыя ничпожныя и опважныя и доблесныя и мрачныя для того, чпобы и шамъ благоговѣть передъ премудросью Творца, Коего свѣтъ и во тмѣ свѣпипъ и шма его не обяпъ; окрѣпшая въ Вѣрѣ Хрисповой, запечапѣнная Хрисповой свяшою Мудросью, ты будешь ештранствовашъ по глубинымъ мудрованія человѣческаго, чпобы научиться предосперегашъ опъ подобныхъ заблужденій и себя и ближнихъ своихъ: и, въ неплѣнную славу преображенная, ты, живой лучъ вѣчнаго Свѣта, не угаснешъ въ мракѣ плешворномъ, ибо и шебя шма не обяпъ; но — радугою мирительною засіаешь ты изъ мрака предъ взорами ближнихъ!

Но если ты не окрѣпла въ Вѣрѣ Хрисповой; шо вспомни, чпо міръ мудрованій человѣческихъ ешъ океанъ безбрежный. Какъ ты опважишься плыть понемъ, если не вѣра въ Небо швой компасъ, если не любовь къ Небу швое кормило, не надежда на Небо — швой якорь? Ты опобьешься опъ гавани Вѣры Хрисповой и не наплывешь снова на нее. Блуждающіе корабли, своенравные вѣтры, ложные маяки опвлечуть шебя опъ пупи къ нсй, наведуть шебя на скалу подводную, или увлечуть шебя въ Апманпиду мечпашельную, въ Офиръ золо-

шносный, но не приведуть въ страну, обшнованную Благовспіемъ, страну, гдѣ обшнаетъ Испина, гдѣ гавани бурь не знаютъ, гдѣ небо, какъ женихъ невѣсту, обнимаетъ землю, гдѣ земля, ласкаемая волнами, золопимая свѣтомъ зари, немерцающей, какъ брачнымъ вѣнцемъ увѣчанная, на лонѣ водъ красуется, гдѣ все, что живетъ и дышетъ, сославляетъ одинъ созвучный гимнъ Благоспи пршвпоспасной, гдѣ воздвигнута скинія Божія съ чловѣки, и веселился съ ними, гдѣ сооруженъ градъ, не пребуя солнца и луны да свѣпятъ въ немъ: Словобо Божіе прсвѣпи его и свѣпильникъ его Агнецъ.

Прсвѣщенная Европа, образованная Европа нашъ корабль-предводитель на морѣ умспивенной жизни. Но взглянемше на эту образованую, на эту прсвѣщенную Европу, взглянемше глазомъ невооруженнымъ увеличительными спеклами предубѣжденія: гдѣ дѣнеспя очарованіе! мы себѣ самимъ удивимся. Такъ ребенокъ недоспигнувшій еще возраста самосознанія, съ раболѣпнымъ вниманіемъ прслѣдуепъ всѣ движенія взрослыхъ, съ прсподушнымъ важничаньемъ подражаетъ всѣмъ хлопотамъ ихъ, и неподозрѣвая, что большая часть дѣяній, служащихъ ему образцами, суть не что иное, какъ такое же, или даже еще боль-

шее ребячество. Непохоже ли великое число и нашихъ мыслишелей и нашихъ чувсшвовашелей и нашихъ писашелей на ребенка, копорый со невинною важностію черпипть обожженною спичкою спроки на ласкупкѣ бумаги, думая, что пишешть? или копорый пообразцу своего Меншора, усшавивъ палчикъ въ лобъ, въ просшодушій мечшасешть, что онъ чемъ-то важнымъ заняпть? — Даште ребенку выросши: онъ увидипть, что и шю, чему онъ подражалъ, и подражаніе его — было одно ребячество. Пущь и Россія снова очнешся опть ослѣпленія, копорое произвели въ ней песпрые огни умшвенныхъ фейерверковъ такъ называемой просвѣщенной Европы: она увидипть, что просвѣщеніе, копорое заимсшвовала она опть Европы, было одно мимолетное виѣшнее освѣщеніе, и что зерно свѣта истиннаго она уже болѣе восьми вѣковъ носипть въ собсшвенной своей груди.

Нашпанешть, и, при помощи Божіей, при содѣйсшвіи опеческаго Правительсшва, вѣроашно скоро нашпанешть время, когда алмазное зерно сего свѣта живаго прольешся живошворными лучами изъ започенія своего, и прошоргнешся сквозь грубую, хопя полированную и граненую кору виѣшней образованности, и про-

никнешъ и просїеши даже ея дикокаменный составъ. Настанетъ время, когда у насъ будутъ лучше чѣмъ въ самой просвѣщенной Европѣ знать, что не въ безжизненной зеркальности ума, а въ живомъ внутреннемъ сіяніи состоитъ истинное просвѣщеніе. Настанетъ время, когда узнаютъ у насъ и зыблемость и святопопаниственную опважность мечпаній такъ называемыхъ великихъ мыслителей, узнаютъ, и разочаруются; и Кузени Русскіе обратятся къ числѣйшему источнику Истины; и умы Русскіе, не переставая пользоваться полезными плодами умственной жизни народовъ, болѣе опытныхъ, не захоуятъ уже быть вешьями лозъ, не имѣющихъ корней; и кумиры Франціи и кумиры Германіи не станутъ болѣе превращать въ капища свои сердецъ, которымъ суждено быть храмами Бога живаго.

Можетъ быть нѣкоторымъ и благомыслящимъ покажется высказанное здѣсь излишнимъ многоглаголаніемъ, фальшивою тревогою; можетъ быть они скажутъ, что въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ, когда превращенія основныхъ мыслей великихъ умовъ легко могутъ быть опличаемы отъ подлинныхъ ихъ положеній и слѣдовательно не могутъ быть вредными, спрранно проповѣдо-

вашь разнокомленіе съ великими умами Европы, и порицать философію ихъ; можетъ быть скажетъ иной, что изученіе Шеллинговыхъ, Океновыхъ и симъ подобныхъ умствованій, не имѣя собственнаго отношенія къ Вѣрѣ, ни мало не можетъ препятствовать сердцу человека быть храмомъ Бога живаго. Но вѣроятно благомыслящіе судіи сіи согласятся, что и они, при всей любви своей къ истинѣ, если не навѣрное ошибаются въ семъ случаѣ, то по крайней мѣрѣ легко могутъ ошибаться. Не можетъ впрочемъ быть, чтобы внимательный и безпристрастный наблюдатель нравственной и умственной жизни человечества, не зналъ, что понятіе: просвѣщенный вѣкъ — есть самое условное понятіе, и, что, напримеръ, вѣкъ, который украшенъ былъ глубокими философами-рыбарами, гораздо просвѣщеннѣе вѣка Сократова и Платонова; что нашъ вѣкъ, который собственно есть не что иное, какъ неспроуное смѣшеніе всѣхъ вѣковъ, по очереди величавшихъ себя просвѣщеннѣйшими, едвали просвѣщеннѣе, напримеръ, четвертаго вѣка послѣ рождества Христова, въ которомъ, по мнѣнію современныхъ нашихъ геніевъ (*) богословскіе споры губили возни-

(*) См. Рошиска Исторію.

кавшіе паланшы, и Хриспіанскіе фанапики, прогоняя Философію, распроспраняли мракъ ночи надъ умами, — но въ копторомъ испинновѣрующій видипть лишь быспрое распроспраненіе небеснаго свѣта въ густомъ мракъ, освѣщавшемся до шѣхъ поръ, какъ бы въ долгую ночь полярную, лишь лампадами огня земнаго, либо изрѣдка неспройными сіяньями въ земной же атмосферѣ раждавшимися, видипть въ разрушипельныхъ факелахъ вдохновенныхъ Хриспіанъ, равно какъ въ молнійныхъ пропо-вѣдяхъ Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Іоанна Злапоуста — лишь лучи небеснаго солнца, въ бореніи съ упорною мглою земли.

Превосходная мысль, что родъ человѣческій спремится и долженъ спремиться къ совершенству, ни чѣмъ не можетъ бытъ опровергнуто: но что значипть это движніе рода человѣческаго къ совершенству? Это еспь движеніе человѣчества не впередъ, а обрат-но, къ началу своему, къ первобытному сос-тояннію, когда человекъ еще былъ совершен-ное подобіе притупоспаснаго Бога. Фергюсоно-вы и симъ подобныя мечпанія, что первобыт-ное состояніе человека еспь состоянье дикос-пи, имѣющъ основанье свое единспвенно въ испорченномъ воображеніи. Священное Писаніе, преданіе народовъ, даже идолопоклонническихъ,

внутреннее убѣжденіе избраннѣйшихъ поэтовъ и философовъ древняго и новаго времени, собственное сердце каждаго челоѣка, примѣръ дѣйствія — все неопровержимо доказываетъ, что первобытное состояніе челоѣка есть состояніе совершенства. Усовершенствованіе, или лучше сказать, уразнообразненіе наружнаго бытія челоѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уразнообразненіе и усовершенствованіе его силъ и способностей показываетъ только, что совершеннѣйшему созданію Божію предназначено было постепенно вступать въ обширнѣйшіе круги дѣйствія, съ коими онъ долженъ былъ сообразоваться, не теряя первобытнаго совершенства своего. Опавъ же однажды отъ корня совершенства, онъ долженъ былъ только возвращаться къ нему, а не новаго корня искать. И потому-то съ первой минутой паденія обнаруживаются въ немъ два направленія всѣхъ силъ души: 1) отъ совершенства, т. е., отъ Бога и 2) къ совершенству или къ Богу. И долго, долго пришлось бы блуждать намъ по симъ двумъ направленіямъ, если бы самъ Богъ-Сынъ не воплотился въ челоѣка и не указалъ намъ такимъ образомъ точку срединную, отъ которой мы опадаемъ и къ которой должны стремиться, если хотимъ снова быть причастны первобытному блаженству. --

Пізніше, кажеється, подробно доказувати сіє понятіє об̃ усовершенствованіи чело̃вчесн̃ва; ибо оба мнѣнія, соспавляющія крайности одно-сторонняго мысленія, первое, что усовершенствованіє сіє протнвортчн̃тъ Христіанству, и второе, что само Христіанство може̃тъ подлежати усовершенствованію, сами собою опровергаются.

Что касается до превращенныхъ толкованій основныхъ мыслей великихъ умовъ, то, нераспросираясь об̃ условности слова: великій, замѣнимъ только, что самыя сіи основныя мысли суть по большой части не что иное, какъ либо извращеніє глубокихъ истинъ, какъ бы въ сѣмени заключающихся въ Священномъ Писаніи, либо незрѣлые плоды, чрезъ самомысліє, необузданное Вѣрою, развившієся изъ тѣхъ же семянъ, — незрѣлые, ибо не въ силахъ были дозрѣть опшраченные опъ живошворныхъ лучей солнца Благовѣстія. Что значить, напримѣръ, основная мысль Фихтевой философіи: $A=A$, $Я=Я$, какъ не незрѣвшій плодъ самомыслія? Его прекрасное изложеніє опношеній сознанія къ бытію (*) показываєтъ, что онъ только угадывалъ исти-

(*) См. Grundriß der Wissenschaftslehre.

ну, только снаружи осязалъ ее перспами ума, непрозрѣваго еще вънутреннимъ свѣтомъ Вѣры. Не зналъ другихъ данныхъ, кромѣ міра, доступнаго познанію ума, и человѣка, какъ средоточія познавательнаго дѣйствія, имѣя понятіе о Богѣ только какъ о спорадически-живомъ существѣ, не достигнувшій до высшаго воззрѣнія на Бога приуготовлено-единого, которое почерпается единственно изъ Благоутѣшенія, — Фихте нашелъ въ отношеніяхъ сихъ исчерпывающихъ ему двухъ данныхъ отраженіе таинственныхъ отношеній невѣдомаго ему при единого Даннаго, и устремилъ всѣ силы ума своего на сей опблескъ высшей Истины, почитая оный за самую Истину. Что значить $A=A$ Шеллингова, какъ не совершенное оппаденіе опыта истины Священнаго Писанія, когда и Нѣмецкіе послѣдователи Шеллинга и знаменитый Кузень выводятъ изъ него положенія, что Богъ создалъ міръ не изъ ничего, а изъ себя, что Онъ необходимо долженъ былъ его создать, что міръ также вѣчекъ какъ Богъ, и тому подобныя пустословія? Или что значить великій подвигъ Шеллинга: приращеніе закона поларитета къ Метафизикѣ и извлеченіе изъ него трехъ категорій, по которымъ произошелъ міръ и существуетъ все — что значить это открытіе въ

соединеніи съ вышеупомянутымъ положеніемъ, какъ не извращеніе истины, заключающейся въ мудрости Христіанской, какъ не полуразвѣтая и тѣсно съ заблужденіемъ свиная мысль Христіанской мудрости? — Кто съ чистою и непоколебимою вѣрою въ пріиспасающаго Бога изучаетъ законы природы, какъ въ самой природѣ, такъ и въ произведеніяхъ испытателей ея, кто съ тою же вѣрою изучаетъ самого себя, въ собственныхъ своихъ и въ чужихъ опытахъ, — тотъ не можетъ не убѣдиться, что всюду присутствуетъ Богъ, и Богъ во всѣхъ прехъ Впоспасахъ; что въ пылинкѣ, равно какъ и въ душѣ человѣка, въ вѣяніи вѣтерка и въ помыслахъ Наполеона видно отраженіе Премудрости и Благости Неисповѣдимаго во всей полнотѣ пріединяюща ея. Кто удостоился быть омытымъ водою истиннаго ученія и проникнутымъ огнемъ истинной Вѣры, тотъ съ большею ясностію, нежели изъ Шеллинговыхъ твореній и безъ примѣси его ложныхъ мудрованій, постигнетъ изъ Благовѣстія и богодухновенныхъ писаній Апостольскихъ происхожденіе отраженій Премудрости Божіей въ міръ, и уразумѣетъ всю силу словъ Святаго богодухновеннаго Мудреца Іоанна, въ первомъ Соборн. посл. гл. 5, ст. 7: „Яко триє сущє свидѣтельствующи на не-

беси, Опець, Слово и Священный духъ: и сїи прїи едино сушь, и прїе сушь свидѣтельствующіе на земли, духъ, и вода, и кровь: и прїе во едино сушь.“ И изъ основы сей невыведеть онъ заключенія, которое удалось нѣкопорымъ вывести изъ понятія о полярисепѣ, смѣшаннаго съ положеніемъ $A=A$, что, напримѣръ, полярисепъ долженъ обнаруживаться въ государствѣ безпрерывнымъ бореніемъ правящихъ съ правимыми, (т. е., иными словами, что каждая сторона въ одно время должны силились, сдѣлались положительнымъ полюсомъ или отрицательнымъ, и поному безпрестанно одна другую оппалкивать) и что если это бореніе уничтожился, то и существованіе государства должно прекратиться, или по крайней мѣрѣ оно должно нравственно умереть; или другое подобное заключеніе, что бракъ есть непрерывное бореніе мужа и жены, которые иногда только мирятся, когда бытіемъ своимъ уничтожаются въ третьемъ лицѣ, плодѣ брака (J. J. Wagner.)

Кшо, будучи проникнуть чистою вѣрою въ Истину всесовершенную, внимательно изучать основныя мысли Тишановъ Европы, для того не нужно набирать много примѣровъ, гдѣ бы примѣненіе положеній сихъ къ дѣйствительности ясно доказывало, какъ пагубны они

для спокойствія совѣстей, для мира семействъ и государствъ, и, слѣдовательно, какъ проповѣдчанъ основнымъ мыслямъ, которыхъ мы только по незнанію Священнаго Писанія невидимъ въ семъ числомъ родникъ Испины. Свѣдущій вѣрующій ясно видитъ неизмѣримую пропасть, къ которой ведутъ прелестныя извилистыя пропинки лабиринтовъ, коимъ мы привыкли давать названіе системъ великихъ умовъ. И видя пропасть сію, другъ человѣчества вѣрно изъ глубины души пожелаесть всякому избранному духу, что бы онъ, вооружась не сомнѣніемъ, а вѣрою, съ желаніемъ не Бога, а себя испытывать, и въ намѣреніи не возвеличить себя, а въ яснѣйшемъ свѣтѣ увидѣвъ свое ничтожество и неизмѣримость Неисповѣдимаго, и въ прахъ повергнуться предъ подножіемъ престола Его, — опложивъ на время Канна, Шеллинга, Платона, углубился лучше въ источникъ мудрости Христіанской, въ Слово Божіе. Кто, проникнувшись чистою вѣрою, знаетъ, что мудрованія большей части знаменитыхъ гениевъ западной Европы берутъ себя въ задачу именно тѣже предметы, какіе объяснены Священнымъ Писаніемъ, и которые намъ остается только постигать, а не вновь объяснять, и что, святошапоспѣвенно усиливаясь сорвать съ нихъ покрывало шайн-

спвенности, они отваживаются съ самоуверенностію представлять ихъ въ искаженномъ видѣ, въ какомъ предметы сіи показываются ихъ непосвященному взору, — пошъ согласенъ, что въ нашъ вѣкъ не спранно порицають чрезъ мѣру ревностное изученіе сихъ мудрованій.

Въ Германіи, семь разсадникъ всѣхъ возможныхъ философій человѣческихъ, очень хорошо знаютъ, что все такъ называемыя оригинальныя воззрѣнія на міръ и человѣка собственно суть не иное что, какъ маленькія религіи. Ибо что они имѣють главною цѣлію? познать истину всѣхъ истинъ: но Истина сія есть Богъ; такъ возвѣспилъ намъ самъ Богъ воплощенный: слѣдовательно они имѣють цѣлію познать Бога, то есть, въ разумный духъ человѣка низвести самого Бога, снова соединить его съ Богомъ. А что есть Religio? Возсоединеніе, — т. е. отпаднаго человѣка съ Богомъ. Слѣдовательно и философіи саомыслителей и Религія имѣють одну цѣль. Но имѣя одну цѣль, онѣ имѣють разныя основанія, слѣдовательно прошиворечаютъ себѣ взаимно. Возсоединеніе человѣка съ Богомъ, посредствомъ Христіанства основано на сердечномъ пріятіи мудрости Христовой и безусловномъ опреченіи опъ всякаго саомудрія

ЭСТОНСКАЯ ПѢСНЯ.

Andante.

Тѣ - о кроткой Тѣ - о нѣжной Не было милѣ - е мнѣ

Но разцвѣлъ цвѣ - токъ и вы - сохъ И ско - си - ла смерть е - - го

или послѣдованія самомудрію другихъ. „Азъ есмь дверь,“ вѣщаетъ воплощенный Богъ-Слово: „мною кто внидетъ, спасется: и внидетъ и изыдетъ, и пажишь обрящеть.“ Эв. Іо. 10, 9. „Азъ есмь пупъ и испина и животь: ни ктоже приидетъ къ Отцу, шокмо мною.“ Тамъ же 14, 6. — А чего хопяшъ философы сиспемашики? они хопяшъ (какъ на примѣръ Троксмеръ явно говоришъ) доказашъ, что человѣкъ самъ, безъ посредства Богочеловѣка, можетъ соединиться съ Богомъ. Они хопяшъ доказашъ, что Богочеловѣкъ есть не что иное, какъ шолько одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Реформаторовъ, (Профессоръ Эрпель въ Ансбахъ: *Geschichte der vornehmsten Reformatoren*, Нюрнбергъ, 1830 года; секта Сен-Симонистовъ во Франціи, и пр.); они хопяшъ доказашъ, что ученіе Хрисціанское есть не соприсносущная Богу Мудрость, и подобно всякому ученію человѣческому подлежащъ усовершенствованію (Кругъ: *Ueber Perfectibilität der geoffenbarten Religion*, также секта Сен-Симонистовъ, и пр.). Они хопяшъ иногда еще и большаго: хопяшъ доказашъ, что Философія есть истинное основаніе Религіи, что Философія относится къ Религіи, какъ числая ясная мысль къ образу воображенія, какъ сущность къ наружной оболочкѣ (Гегель). Въ Германіи истинно-ум-

ные люди очень хорошо все это знаютъ, и, видя безпокойное, намъ издали споль пльни-шельное, волнованіе умовъ, не говорятъ, что стыдно или спранно въ нашъ просвѣщенный вѣкъ порицать и опшвергать самомудріе такъ называемыхъ оригинальныхъ мыслишелей; а напрошивъ давно уже доспойно оцѣнили то, что насъ пльняетъ подъ именемъ философскихъ сисшемъ, и только какъ на испорическія явленія обращающъ вниманіе на сисшемы сіи, опъ Спинозы до Гегеля шумными вихрями пролешавтія надъ умспвенными ея равнинами: въ Германіи такое воззваніе было бы не ново, и слѣдовательно излишне. Но у насъ, куда залешающъ только опдѣльные звуки свиспа и гула, производимаго бурными движеніями сисшемъ сихъ, у насъ, очорованныхъ только прелешною наружностію сихъ огненныхъ сполповъ умспвенной ашмосферы и незнающихъ разрушительной ихъ силы, у насъ, гдѣ многіе увѣрены, что чистопу Хрисшіанской Вѣры оспавляютъ нешрикосновенно, всѣми силами содѣйшвуя къ водворенію и распрощраненію между нами Философіи такъ называемой Европской, многіеже, увѣренные въ прошивномъ, безмолвспвующъ, — у насъ щаккой голосъ, при всей слабости своей, не можешъ быть излишнимъ.

Пусть тѣ, которые не чувствуютъ, какъ червь саомудрїа, наползающій съ Запада на насъ, починъ и вѣтви и корни древа духовной жизни нашей, пусть почишаютъ голось сей плодомъ недоразумѣнія или односпорняго мысленія, пусть называютъ его фальшивою прерогою! Грудь, родившая его, въ глубинѣ своей носитъ убѣжденіе, что, ошъ избытка сердца ея высказанный, онъ не исчезнетъ, какъ звукъ мѣди звенящей, въ воздухъ, а найдетъ сердца сочувствующія и проникнетъ въ глубину ихъ, найдетъ души, пылающія чистою любовью къ опичизнѣ, и созвучными опзывами ихъ будетъ радостно привѣщивовашъ.

О ВЗГЛЯДѢ КАРЛА ВИТТЕ

на

ПОЭЗІЮ ДАНТЕ.

Изъ рецензїи на книгу: *Ueber Dante von Carl Witte neu bearbeitet*, Breslau, bei Pelz. 1831. 27 С. 8. — См. Allgemeine Jenaische Literatur-Zeitung Nr. 179. 1831 года.

Неоспоримо, что ни одинъ изъ Нѣмецкихъ ученыхъ не изучалъ Данте ревностнѣе и посполинѣ Г Вишнє, и что никто болѣе

его не заслуживаетъ вниманія въ сужденіяхъ о безсмертномъ стихопворцѣ, создавшемъ, „Inferno.“ Желашельно, чпобы онъ собралъ въ одно сочиненіе всѣ отпрыски свои объ эпомъ. Въмѣсто того сообщаетъ издашель намъ еще отпрывокъ, но отпрывокъ достойный всякаго вниманія по формѣ и содержанію, хопя болѣе удовлетворяющій въ опдѣльных мысляхъ, нежели привлекающій полнопою и самоспопашельноспію. Эпо нѣкопорымъ образомъ введеніе въ общую экзегезу Данте, какихъ впрочемъ издашель уже нѣсколько сообщилъ публикѣ.

Г. Вишпе обнимаешъ цѣлое и частп въ Дантевыхъ стихопвореніяхъ съ любовію и знаніемъ. Всѣ стихопворенія сіи, по его мнѣнію, родились какъ полныя произраспенія изъ внушпреннѣйшихъ движеній жизни стихопворца. Изъ различныхъ измѣненій движеній сихъ выводитъ онъ вообще и объясненія снпхопвореній и воззрѣніе на нихъ. Прежде него ни кпо еще не предпринималъ эпго, подкрѣпляемый такимъ знаніемъ испоріи стихопворца, не смотря на то, что эпо былъ единственный пупъ къ правильному уразумѣнію снпхопвореній „Vita nuova“ „Convito,“ лирическихъ снпхопвореній и даже „Divina comedia,“ хопя послѣдняя еще болѣе всѣхъ самоспопашельна и

опчасни должна бытъ объясняема духомъ времени.

Сочинитель начинаеть изображеніемъ отношеній Имперіи и Папства въ періодъ Данте. Въ сравненіе беретъ онъ Готическое зданіе, оканчивающееся двумя высокими оспіями. Сіи двѣ вершины міра, по понятіямъ Среднихъ вѣковъ, суть Папство и Имперія, совершенно раздѣленныя по значенію своему, но имѣющія равное право бытъ заключительными камнями земнаго правленія, основаннаго на повиновеніи и вѣрованіи. Времена Фридриха II прежде всего начали колебать сіе зданіе; борьба между составными частями была опредѣленіемъ сей эпохи и — война разлилась по землѣ. Данте видитъ благоденствіе единственно въ восстановленіи прежняго порядка. Лишь когда оба сполна міра, въ совершенномъ единодушіи, но совершенно раздѣленные въ апприбупахъ своихъ, снова будутъ возвышаться надъ всѣмъ существуемомъ на землѣ, лишь тогда, думаетъ онъ, можетъ міру снова миръ бытъ возвращенъ. По сему онъ указываетъ Папству прежнія границы, и воодушевляетъ Имперію до тѣхъ поръ неушомимо дѣйствовать, пока не достигнетъ она снова всѣхъ апприбутовъ свѣцкаго владычества. Обѣ

власти въ глазахъ Данте суть власти священныя, Богомъ установленныя, коихъ единодушіе одно въ силахъ водворить миръ и порядокъ на землѣ. Надъ всякою свѣтскою властію, говоритъ онъ, должна возвышаться власть Императора, надъ всякою духовною властью — власть Папы, и не должны онѣ нарушать взаимно границъ своихъ. Эпопѣю схематизмъ управления міромъ сдѣлался для Данте Вѣрою. Онъ вѣруетъ въ него какъ въ управленіе Божіе и смотритъ на Папу и на Императора какъ на слугъ Божіихъ, сплотившихъ на равныхъ степеняхъ и имѣющихъ равный санъ.

Уже одна эта мысль прекращаетъ бесполезный споръ о томъ, Гвельфъ ли или Гибеллинъ былъ Данте: онъ былъ и тѣмъ и другимъ, по понятіямъ, какія имѣлъ о правѣ; онъ защищаетъ дѣло Государя, когда полагаетъ, что равновѣсіе нарушено ко вреду его, и онъ же защищаетъ Папу противъ нападеній Эццеллина, Фридриха, Людвига и. ш. д.

„Въ стихотвореніяхъ Данте всеобщность и частность, произшествія вседневной жизни и вѣковая борьба о всемірной монархіи соплетаются; Поэзія его обнимаетъ весь міръ, и обнимаетъ не въ туманныхъ очер-

кахъ, а рѣзко, опредѣленно. И почто также нельзя Данте называть древнимъ или новымъ поэтомъ, какъ нельзя его называть Гвельфомъ или Гибеллиномъ. Его адъ не погруженъ въ Киммерійскій мракъ Гомеровъ и не одухотворенъ до Клопшпоковой „*Hülle gewebt aus Strahlen des Urlichts*“ а представляется твердымъ, прочно-основаннымъ и для воображенія удобоизмѣримымъ. Въ его адѣ сливаются всѣ лучи Средняго вѣка, лучи вѣденія и древняго народнаго вѣрованія, какъ цвѣта въ призмѣ.“

Еслибы могли мы за Данте, какъ за суетливымъ и жизненасладивельнымъ Пешпранкою слѣдовать по каждой недѣлѣ его жизни, то ничего темнаго не было бы въ Поэзіи его; но мы вовсе не видимъ особенности лица его въ его произведеніяхъ; она совершенно исчезаетъ въ объективности поэта. Г. Виппте преодолевъ сію трудность: онъ въ подробности разбираетъ всѣ великіе перевороты въ груди стихотворца, породившіе разнообразныя его произведенія. Первая, чисная, юношеская, скромная любовь Данте, кошорая, не будучи спрасью, есть не что иное, какъ священное наслажденіе славою Божіею, произвели стихотвореніе: „*Vita nuova*.“ Красотою Беатрисы изображаетъ поэтъ единственно

славу Творца и лѣпоту созданія его, природы. Въ стихотвореніи семь онъ еще неподозрѣваетъ, что тѣже самые предметы которые исполняютъ сердце его выспреннымъ наслажденіемъ, могутъ принять совершенно другой видъ и содѣлаться для него испочникомъ скорби и печали. Но лишается счастливой супругъ предмета своей священно-радостной любви, постигаетъ Беапрасу смерть — и вся природа облекается предъ взорами его покровомъ печальнымъ, вся природа представляется ему оппавленною въ зародышъ своемъ; она оппала у него болѣе, нежели даровала ему. Въ сіи мгновенія горести и вѣра и преданность попрысающа въ основаніи въ душѣ его и скоро успупаютъ мѣсто мрачному спремленію къ разрѣшенію непостижимаго шайнства. Единспвенная дѣяшельность, оппавшаяся сокрушенному духу, есть умспвованіе (*Speculation*) во всѣхъ его направленіяхъ. Оно овладѣваетъ поэтомъ: поэтъ живописуетъ намъ его, по-другую - ушѣщительницею, предеспною дѣвою, изъ взоровъ коей сіаетъ ему красота Беапписы; и мало по малу Философія превращается для него въ совершенный образъ его возлюбленной; и эпо составляетъ тему стихотворенія: „Convito amoroso“, эпо спараніе, эпо безпрестанное и бесполезное усиліе найти удо-

вѣщвореніе въ Философіи. Онъ изображаетъ Философію любовницею, ускользящею изъ объятій его и не уполяющею непрерывной, пламенной жажды любви его. — Тупъ безупѣшный находитъ упѣшительницу — практическую жизнь. Къ сей эпохѣ относится известное участіе, которое принималъ Данте въ судьбѣ опечеснвеннаго своего города, и развитіе понятій его о языкѣ и Поэзіи. — Но изъ лона благочестиваго вѣрованія Христіанина увлеченный въ область необузданнаго умствованія, Данте видитъ обратный путь прегражденнымъ злыми спрасстями, составляющими противныя спороны вѣры, надежды и любви; это дикіе звѣри, которые опгоняють его опъ вершины горы, надъ зенипомъ коей сіяетъ солнце истины (см. введеніе въ „Inferno“). Наконецъ благость Божія снова пробуждаетъ лучъ вѣры въ груди его. Онъ познаетъ бесплодность и грѣшность своевольнаго умствованія, раскаявается въ томъ, что слишкомъ высокую цѣну давалъ преходящему, и прежнее вѣрованіе пробуждается въ немъ снова. Съ сего мгновенія даже самая Беатрица, которой образъ прежде опражался въ Философіи, спановишся для него изображеніемъ Религіи. Сознаніемъ сего внутренняго преобразованія своего начинаетъ онъ „Divina co-

media“, коей первыми часнями должно почеснь „Vita nuova“ и „Convito.“ Все сіи при стихотворенія вмѣстѣ, составляютъ вѣчно истинную эпопею нашей духовной жизни, исторію дѣйственной прѣспоты, внушрренняго оппаденія и милосердаго избавленія свыше, исторію, которую проживаетъ всякой возвышенный духъ на землѣ. — Прозрѣвъ свѣшномъ высшаго разума, поэтъ видитъ въ адѣ продолженіе грѣха, несомыпаго раскаяніемъ, и уже въ самомъ дѣяніи наказаніе. Раскаяніе возводитъ его въ чистилище. Изъ чистилища всплываетъ душа въ обитель блаженства, гдѣ внимаютъ словамъ, которыхъ человекъ не въ состояніи выразить. Сямъ заключается вся цѣлостъ стихотвореній Данцевыхъ.

Ф и л о с о ф і я

БАРОНА ЭКШТЕЙНА.

(Изъ журнала: Die Zeitgenossen. 1828.)

Баронъ Экштейнъ родился въ Даніи, около 1785 года, въ 1814 году состоялъ въ военной службѣ въ 3 Бапаліонѣ Люцова подѣ

командою Яна; съ 1815 года живеть онъ во Франціи.

Трудно дать сужденіе объ Экшпейнѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ уже лѣтъ обращающае на себя своимъ ученіемъ большое вниманіе во Франціи. Трудно говорить объ немъ, потому что трудно его понимать, и мы даже не увѣрены, что поняли его какъ должно. По крайней мѣрѣ думаемъ что онъ имѣетъ особенную философію; ибо безъ системы, безъ единства въ мысляхъ, однимъ словомъ, безъ Философіи едва ли можно каждый мѣсяць писать обо всѣхъ предметахъ разнообразныя малыя и большія разсужденія. Но, сама ли философія его не довольно еще развилась и обнаружилась, или не доспѣваетъ ей починости, или она слишкомъ опьянена и припомъ перелепса въ неопредѣленностяхъ, или смущаетъ новостію и странностію своихъ воззрѣній, только мудрено ее понять въ основаніи и дать описаніе объ ней.

Экшпейнъ пишетъ по Французки и видно изъ философскихъ сочиненій его, что онъ ученикъ Меспра Бональда и Ламейна. Всѣ сочиненія его исполнены чистосердечія, и вездѣ въ нихъ видно дарованіе и ревностъ.

Въ отношеніи къ методу онъ существенно опличается отъ новой Философской Школы во Франціи, которая принимаетъ первымъ основнымъ положеніемъ, что изученіе человѣка должно исходить отъ сознанія и размышленія. Еслибы онъ не изъяснился касательно мнѣній своихъ съ ясностію и опредѣленностію по случаю появленія Кузневыхъ опривковъ и предисловія Жоффруа, то можно бы опчаспи извлечь понятіе объ нихъ изъ того, какъ онъ разсматриваетъ и разрѣшаетъ вопросъ о человѣчествѣ. Подобно Бональду и Ламеннэ, онъ не имѣетъ вѣры въ сознаніе, и принимаетъ его основою только тогда, когда желаетъ узнать изъ онаго часпное я, особность; что же касается до человѣка въ общемъ значеніи, то онъ вѣритъ только Истории и ея документамъ. — Въ наблюденіяхъ своихъ разсматриваетъ онъ не себя, не человѣка опредѣленнаго времени или опредѣленной страны, не опривокъ человѣчества, но человѣка въ высшемъ значеніи, человѣка въ идеалѣ какъ оппечатокъ и какъ образецъ всего человѣчества. Сии пребуемая свойства ни гдѣ не изобразились лучше и чище, какъ въ Адамѣ и въ Богочеловѣкѣ; Адамомъ изображается оппечатокъ, Богочеловѣкомъ -- образецъ всего человѣчества: Адамъ сотворенъ добрымъ, но

паль, Богочеловѣкомъ человѣчество возрождено. По сему Экшпейнъ принимаетъ Адама и Иисуса Христа за единственные предметы Философiи. Изучая и познавая сiи два предмета можно не иначе, какъ только углубляясь въ преданiе посредствомъ Истории и стараясь постигнуть истинный смыслъ первобытныхъ и Христiанскихъ преданiй. Прежде всего должно точно изслѣдовать всѣ древнiе памятники, которые могутъ намъ представить два образа человѣчества, данные ему Адамомъ и Богочеловѣкомъ. По сему Философы должны обратить вниманiе на Индiю и сосѣдственные ей земли, потомъ на Грецию и Александрию, на Римъ и Иудею. Въ сихъ предѣлахъ заключается все, что возвышало, приготавливало, опредѣляло и сопровождало пришествiе Богочеловѣка. Потомъ должна Философiя слѣдить характеръ человѣчества отъ Адама до Спасителя и отъ Спасителя до нашихъ временъ, во всѣхъ движенiяхъ его изъ сполѣтiя въ сполѣтiе, изъ странъ въ страну и во всѣхъ измѣненiяхъ и преобразованiяхъ его, и должна все это объяснять и приводить въ систематическiй порядокъ. —

Это основа созерцанiй Экшпейна. (Пропускаемъ многословныя и опшасныя на шап-

кихъ основаніяхъ раціонализма утвержденныхъ замѣчанія Нѣмецкаго Референта.)

Экшпейнъ вообще еще чрезвычайно мало высказалъ себя, чтобы быть достаточно понятнымъ и оцѣненнымъ; и такъ должно еще дожидаться, чтобы онъ сильнѣе и съ большею рѣзкостью выразилъ свои мнѣнія. Одно въ немъ ясно — воззрѣніе на Исторію гражданскихъ обществъ. И древняя и новая Исторія есть по его мнѣнію не что иное, какъ выраженіе извѣстныхъ Религіозныхъ, но въ числѣ сохранныхъ, но при самомъ исчисленіи своемъ или въ разспроспраненіи разнообразно образовавшихся догматовъ; и они-то причины всѣхъ великихъ переворотовъ въ мірѣ.

Свободѣ книгопечатанія не благопріиспствуетъ Экшпейнъ. Вообще допуская свободу, онъ ее такъ ограничиваетъ, что либеральная философія не можетъ съ нимъ согласиться.

Экшпейнъ сдѣлался извѣстнымъ чрезъ журналъ: *le Catholique*, который онъ началъ издавать съ 1826 года. X. М.

Примѣчаніе: Философія Экшпейнова по нашему мнѣнію имѣетъ два главные недостатка: 1) неглубокость понятія о лицѣ

Спасителя: до возрѣнія на Спасителя, какъ на Бога вочеловѣчившагося, какъ на Упоспаса Троицы пресвятой Экштейнъ еще, какъ изъ вышеизложеннаго видно, не возвысился; ибо въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы не видѣть, что Богочеловѣкъ есть единственный положительный предметъ истинной Философіи, а Адамъ только отрицательный. Вопросъ недоспадокъ — историческая метода. Экштейнъ не хочетъ обращать вниманія на особность челоѣка. Но изъ чегоже Исторія состоитъ, какъ не изъ особенностей челоѣческихъ, исполняющихъ опредѣленное имъ Провидѣніемъ назначеніе, въ политическомъ ли, физическомъ ли, нравственномъ, или умоизрядномъ отношеніи? Развѣ всякій необыкновенный любитель мудрости въ новѣйшее время, развѣ самъ Экштейнъ не есть звено въ Исторіи ума челоѣческаго? Совершенно бытъ свободнымъ отъ особности ни одинъ челоѣкъ не въ состояніи: лишь Тотъ челоѣкъ не имѣетъ ни какой особности, Кто въ то же время есть Богъ, т. е. Иисусъ Христосъ. — Мы увѣрены, что челоѣкъ въ особности своей не есть положительный предметъ Философіи: но Экштейнъ, не принимая его таковымъ, противорѣчитъ самъ себя, ибо, опровергая положительное значеніе особности

человѣческой, отвергаесть въ тоже время и положительное значеніе самой Истории человѣчества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и положительное значеніе Адама, который есть изображеніе Истории человѣчества, ибо писано, что онъ есть образъ будущаго: къ Римл. гл. 5, ст. 14. Экштейнъ не хочетъ изученіемъ отдѣльныхъ особенностей достигать до понятія о безусловно-истинномъ, но какъ же можетъ онъ достигнуть сей цѣли изученіемъ всей суммы особенностей? По нашему же мнѣнію ни въ какомъ случаѣ изъ понятій объ отрицательномъ или о мракѣ не выводятся понятіе о положительномъ или о свѣтѣ.

Впрочемъ не смотря на сіи несовершенства воззрѣній Экштейновыхъ, все философія его заслуживаетъ болѣе вниманія, нежели какая нибудь Натуральная философія, не возвышающая духъ человѣческій выше геологическихъ, палеонтологическихъ, сидерическихъ или тому подобныхъ таинствъ.

Изъ переписки
ЖАН - ПОЛЯ РИХТЕРА
съ

ХРИСТИАНОМЪ ОТТО. (*)

Веймаръ, 12. Юня 1796. Воскресеніе,
7 часовъ упромъ.

Любезный братъ!

Богъ видѣлъ вчера на землѣ болѣе нежели счастливѣйшаго смертнаго, и эпопѣ смерпный былъ я. Нѣтъ перпѣнія подождать нѣскольکو, чпобы написать шебѣ цѣлое письмо: хочешся хопѣ чпо нибудѣ сказать. Вчера въ одиннадцатѣ часовъ пѣшелъ я къ К. (она сеспра той К., чпо въ Байрейпѣ). Я въ запискѣ своей выпросилъ у ней уединенную минушу, *tête à tête*. У нее два великіе предмета: большіе глаза, какихъ я не видывалъ, и великая дупна. Она говоритѣ почно пакъ, какъ Гердеръ въ письмахъ о человѣчествѣ (*über Humanität*) пишешѣ. Три четверши времени прошло у насъ въ смѣхѣ, чепверпѣ въ спепенномъ разговорѣ, при чемъ она большія, почпи вовсе опущенныя, рѣсницы небесно поднимала, почно какъ когда облако

(*) Біографическое извѣстіе о Ж. П. Р. до 1796. см. ниже.

поперемѣнно мѣсяць по скрываютъ, по обнажаютъ. Я не забочусь о правильности обзоровъ, за недоспапкомъ времени; хочешя только побольше написать. „Вы спранный человекъ“, сказала она мнѣ приидцать разъ. Ахъ! здѣсь женщины! и всѣ онѣ мнѣ — другъ. — Весь дворъ до самого Герцога читае мѣня. Кнебель хотѣлъ мѣня сводить къ Гердеру, а сегодня къ обѣду къ Гёте, но я рѣшился, если кого намѣренъ видѣть въ первой разъ, быть съ нимъ *sous le coud*. Сегодня обѣдалъ я одинъ у К. Въ 5 часовъ гуляемъ мы у Кнебеля въ проемъ по саду, вдругъ Кнебель издали увидѣлъ Гердера съ женою и двумя дѣтьми. Мы идемъ ему на встрѣчу, и наконецъ подъ открытымъ небомъ — я на груди его: онъ улушавшей радости я едва могъ говорить, могъ только плакать. — Гердеръ не могъ насытиться обнимая мѣня. Смотрю назадъ — у Кнебеля слезы на глазахъ. Съ Гердеромъ я теперь точно также знакомъ какъ съ побой. Онъ уже давно хотѣлъ ко мнѣ писать, уже тогда, какъ онъ съ женою, которая мѣня сердечно любитъ — она въ другомъ видѣ К. — проѣзжали черезъ * * Хотѣлось бы быть до такой степени безстыднымъ, чтобы пересказать тебѣ все. Онъ хвалитъ почти все въ моихъ сочиненіяхъ —

даже Гренландскіе Процессы. — Наружность его почто такъ благородна (однако нѣсколько иного вида), какъ я ее себѣ воображалъ; говоришь онъ также, какъ пишешь. Онъ говоришь, что всякій разъ, какъ прочтешь Герпера — то негоденъ дня на два къ дѣламъ. Во многихъ мѣстахъ спрашивалъ онъ меня, что побудило меня такъ написать. Тебя, Опшю, у насъ не доспавало. Онъ задавилъ меня похвалами. Часовъ пять я одинъ въ вечеръ проговорилъ. Меня больше всѣхъ, говорили всѣ, читають въ Германіи. Виландъ читалъ меня при разѣ. Гердеръ рассказывалъ, что Глеймъ цѣлой день и цѣлую ночь прочиталъ меня. О Каніповой системѣ Гердеръ очень невыгодно судилъ. О своихъ собственныхъ сочиненіяхъ онъ говоритъ съ такимъ пренебреженіемъ, что внутренность раздраетъ, что даже духа не имѣешь хвалишь ихъ. Даже „Идеи“ (Ideen и.) не хочетъ онъ продолжати. Третьей доли не рассказалъ я тебѣ. — Но и горькая капля плаваетъ въ моемъ Гейдельбергскомъ бокалѣ радости. Что приобрѣлъ Жан-Поль, то теряетъ человѣчество въ глазахъ его: ахъ! мои идеалы о великихъ людяхъ! — Объясню. — Но всѣ знакомства мои только возвышаютъ цѣну друга моего.

Вѣчно твой

Рихтеръ.

Веймаръ 17. Іюня 1796 года.

Любезный другъ!

Ты вѣрно получилъ два письма мои, одно изъ Іены, а другое опъ Субботы. Позднее число 3го письма, пусть послужитъ тебѣ свидѣтельствомъ моей радостью упоенной жизни; я перецвѣшаю, кажепся, изъ одного цвѣпка въ другой. Въ нѣсколько дней прожилъ я въ Веймарѣ 20 лѣтъ. Человѣкознаніе мое какъ грибокъ росло, и выросло съ человѣка. О морскихъ чудовищахъ и вещахъ вовсе не понималъ и не слышанныхъ расскажу я тебѣ, но только тебѣ одному. Письменно же нѣтъ возможности подарить тебѣ ниже малѣйшею повѣстью въ двѣнадцатую долю изъ этой всемирной Исторіи моей. Мнѣ теперь нужно почти столькоже листовъ, сколько прежде было нужно страницъ, чтобы описать тебѣ — не пусть эпохъ, а — эпохъ лугъ моей жизни. Я совершенно счастливъ, Опъто, совершенно, не только сверхъ всякаго ожиданія но и сверхъ всякаго описанія; и во всемъ пространномъ мірѣ только тебѣ одного мнѣ не досажаетъ; но и единственно тебѣ. — Сегодня обѣдаю я у Гете. Вчера ушромъ приглашали меня съ К. къ Герцогинѣ мапери въ Тиффурштъ, на дняхъ буду у нее обѣданъ. Герцогиня доспойна Виланда, а Тиффурштъ ихъ

обоихъ: это гармоническій акордъ по среди вопиющихъ Англійскихъ учрежденій. О чемъ я съ ней говорилъ, о томъ изуспшно.

У Гердера я ужиналъ и прожилъ два вечера, и былъ почти каждый день съ нимъ. К. переписывается почти со всею знашью въ Германіи, и находится въ связяхъ со всѣмъ Веймаромъ; я всѣхъ бы могъ у нее видѣть, еслибы захотѣлъ, чпобы она всѣхъ пригласила, но мы каждой вечеръ бываемъ совершенно одни. Она женщина, какихъ нѣтъ на свѣтѣ, со всемогущимъ сердцемъ, съ ушесовымъ я, — Волдемарица. (*)

18. Іюня Суббота.

На другой день по приѣздѣ моемъ сюда освободился я отъ безумнаго предубѣжденія къ великимъ Авшорамъ, будпо бы они другаго рода люди; здѣсь всякому извѣстно, что они подобны землѣ, которая, издали въ небѣ свѣплымъ мѣсяцемъ плыветъ, еслиже нога коснется ея, то также соспонитъ изъ боуе de Paris и нѣсколька зелени. Сужденія какого нибудь Гердера, Виланда, Геше также, оспорируются какъ и всякое другое. О томъ неу-

(*) Кажется, имя дѣйствующаго лица въ одномъ изъ романовъ Ж. П. —

помню, что при вершины нашей Литературы избегают друг дружки. Ни передь какимъ великимъ человѣкомъ небуду я теперь робко сгибаться, развѣ только предъ добродѣшнѣйшимъ.

Однако къ Гете пришелъ я съ робостию. К. и всѣ рисовали мнѣ его холоднымъ ко всѣмъ и ко всему на землѣ. К. говорила мнѣ что онъ уже ни чему болѣе неудивляется, даже и себѣ самому, что всякое слово его ледъ, а особенно съ чужими, которыхъ онъ рѣдко и принимаетъ. Въ немъ есть что-то надменное, какая-то гордость богатыхъ городовъ. Только еще одни произведенія художествъ разогрѣваютъ его сердечные нервы; потому я просилъ Кнебеля, чтобы онъ мнѣ помогъ, посредствомъ минеральныхъ водъ, окаменѣть и покрыться корою, чтобы представиться ему въ нѣсколько благопріятнѣйшемъ свѣтѣ — хоть напримѣръ въ видѣ снѣгуи. — К. совѣщуетъ мнѣ быть передъ нимъ холоднымъ и самосознательнымъ. Я пошелъ безъ шеплопы, единственно изъ любопытства. Его домъ производитъ не обыкновенное впечатленіе, это единственный домъ во всемъ Веймарѣ, построенный въ Испаніискомъ вкусѣ, съ такими лѣшницами. Писсеонъ наполненный кар-

пинами и спашуями. — Прохладно въ груди отъ робости. Наконецъ выплываетъ божество, холодное, односложное, безъ ударенія. Кнебель сказалъ, что Французы вскупаютъ въ Римъ. „Гм!“ отвѣчало божество. И образъ его какъ бы принялъ шло и спалъ огненнымъ, взоръ его спалъ свѣтъ. Наконецъ не только Шампанское, но и разговоры объ искусствѣ, о публикѣ и проч. оживили его, и -- мы были у Геше. Онъ говоритъ не слишкомъ цвѣтно и не слишкомъ изобилуя порывами, но рѣзко-опредѣлительно; наконецъ прочелъ онъ намъ, что есть проигралъ (*), ненапечатанное прекрасное стихотвореніе, отъ котораго сердце его пробилось пламенемъ сквозь льдистую кору, такъ что онъ энтузіастическому Жан-Полю (не языкъ мой, а только лице дѣлало нѣкопорья опдаленныя приноровки къ нѣкопорымъ опредѣльнымъ сочиненіямъ, и что только больше для разговора) пожалъ руку. При прощаніи повторилъ онъ это пожатіе и просилъ меня опять къ нему прийти. Онъ почищаетъ свое стихотворное поприще окончаннымъ. Небо свидѣтель! Мы любимъ другъ друга. — К. говоритъ, что онъ никогда не подаетъ знаковъ любви. У меня нѣма разказовъ объ немъ.

(*) Его чтеніе есть глубокой гулъ грома смѣшанный съ самымъ тихимъ шелесомъ дождя; нѣтъ ничего подобнаго.

Я могу здѣсь, если захочу, обѣдать за всѣми спюлами. Но ни къ кому еще ни ходилъ. Лишь только подѣхалъ я къ воронкамъ городскимъ, тошчасъ дано объ эпомъ зналъ Герцогинѣ матери, а на другой день уже всякой о томъ зналъ. — Характеры: „Іоакиме, Матшіе (эпопъ особенно) и Аньола“ почишающся здѣсь истинными. Въ клубъ здѣсь спорили, съ Вѣныли или съ Мантейма снялъ я Флаксенфингенъ, судя помѣстносціамъ; Виландъ язвительно предполагаетъ, что Флаксенфингенъ разбѣялъ по всей Германіи.

Я для того тебѣ безъ всякаго спыда посылаю эпопъ рисунокъ сіянія, копорымъ окружающъ здѣсь мою плѣшивую голову, чпобы ны рассказалъ эпо друзьямъ нашимъ. (Ибо все вмѣстѣ я расскажу только тебѣ, копорой всегда понималъ меня и даже черезъ чуръ уважалъ, — неразсказывай эпого никому другому во всемъ * * *, гдѣ ко мнѣ шакъ часпо были несправедливы, чпо я, еслибы небыло шамъ тебя, вѣчно бы здѣсь оспался.)

Я пишу скоро и безъ порядку, прости мнѣ! Съ женщинами я съ немногими познакомился, съ одною Канцлершею въ Рорбархѣ, деревнѣ, въ копорую я ѣздилъ съ К.

Воскресеніе 19. Іюня.

К. все устроила для меня у Эршеля, какъ мож-
но лучше. Я живу у него пыннѣ, нежели когда
либо въ жизни моей. Во Вшорникъ перѣхалъ
я въ его домъ, поспроенный близъ божествен-
наго парка и оберегаемый деревьями. Двѣ ком-
нашы, меблированныя лучше, чѣмъ въ модномъ
журналѣ, занимають мое я.

Веймаръ 25. Іюня 1796. года.

Черезъ часъ я буду у Гёпе обѣдать. Я
бы тебѣ безпрестанно писалъ. У меня не-
было здѣсь ни одной радости, въ которой бы
твой образъ не носился передо мною — и
только твой одинъ. — Какое-то непреодоли-
мое влеченіе я чувствую, все тебѣ переска-
зать, да и замолчать.

Іена 26. Іюня 1796. года.

Третьяго дня приѣхалъ я сюда, а завтре-
ѣду назадъ въ Веймаръ. Въ будущее Воскре-
сенье приѣду въ Шлейцъ и шамъ надѣюсь,
если ты хочешь и можешь, наконецъ опять тебя
обнять. — Вчера явился я предъ успешиспимъ
Шиллеромъ, опъ копораго, какъ опъ подводнаго
камня, опшибаетъ всякаго иностранца; меня

онъ ожидать по письму опъ Гёте. Его наружность смѣшанная, жестико-мощная, вся въ драгоценныхъ камняхъ, исполнена оспрыхъ, рѣзкихъ силъ, но безъ любви. — Онъ говоритъ почти также прекрасно, какъ пишетъ; онъ былъ чрезвычайно ласковъ сомною. Прощай, любезной; еслибы я хотѣ половину моей здѣшней испорчи могъ сохранить въ памяти, пока непересыплю ее въ твою память! Этого прехмѣсячной періодъ моего жизненнаго пути естъ горная дорога, которая показала мнѣ новый міръ.

* * * 15. Августа 1797. года.

Сей часъ пришелъ я опъ моей возвышенной и возвышающей Эмилиі (Ф. Б.) Наконецъ нашелъ я первую женскую душу безъ угловъ и противоречій, которая меня исправляетъ и которую я исправляю — это Эмилиа Ф. Б. Она слишкомъ благородна и совершенна, чтобы можно было ея хвалить чернилами.

О первомъ моемъ письмѣ хотѣлъ бы я тебѣ много наказать, и вмѣстѣ съ тѣмъ обовсѣхъ моихъ горестяхъ — обовсѣхъ иглахъ, которыми исколола судьба мое сердце — о драматическомъ мученіи, которое я предвидѣлъ — о моихъ вопляхъ безуспѣшныхъ, что у мапери моей

ничего, ничего, ничего небыло на землѣ, и что я такъ мало ей доспавилъ — хопѣлъ бы написать тебѣ чувства мои при видѣ книжки, въ копорой она бывало записывала, сколько выработывала въ печеніи мѣсяца пряжею. — Если я книги всей земли когда нибудь покину, то непереспану читаешь твоей, добрая мать! въ ней всѣ минуны твоей жизни изображены; въ ней вижу я, какъ ты въ полночь, кашляя опъ колошья въ груди, прядешь нить печальной жизни твоей. Уже за три мѣсяца до ея смерти оплакивалъ я ее. Теперь тяжко душѣ моей, что у ней здѣсь ничего небыло, кромѣ сердца исполненнаго слезъ. Ахъ, ты была щасливѣе! —

Пятница 15. Октября 1797. года.

Сдѣлай одолженіе, прочти Спась въ недѣлю, она заслуживаетъ, особенно за главы о духѣ напій, о сущности и любви, также какъ и вообще за ея почки зрѣнія, чтобы ты ничего другаго не читала.

Лейпцигъ 28. Ноября 1797. года.

Увѣряю тебя, что внутренности мои ни на одинъ дюймъ невозвыщаются опъ похвалъ. Чужое сужденіе обманываетъ меня

скорѣе неумѣренною хвалою, нежели неумѣренною хвалою. Во мнѣ естъ скромность, коюрой никто не можетъ замѣнить, и коюрая естъ слѣдствіе не победы, а необходимости, потому что я умѣю оппичать прилежаніе мое опъ моихъ силъ.

29. Полбры 1797.

Хотѣлъ было я тебѣ написать много новостей, но теперь нѣкогда. Б. придетъ чрезъ двѣ недели.

Лейпцигъ 19. Декабря 1797. года.

Ф.Ф.Б. хотѣла прѣхать сюда еще на прошедшей недѣлѣ, но свадьба ея дочери задержало ее. Еще ни одна женщина такъ сильно и такъ чисто не любила меня, какъ она. Гёте прѣхалъ опять въ Веймаръ и живетъ уединенно. Она хочетъ мнѣ разказать свой длинной разговоръ съ нимъ. По моимъ понятіямъ объ его и объ ея душѣ, она былабы ему самою лучшею женою. — К. написала мнѣ о Лейпцигскомъ выборѣ холодное письмо, потомъ, какъ я ей не оппвчалъ, пошелъ, и рассказываетъ мнѣ въ послѣднемъ, какъ ея мужъ сказалъ Б. ѣ, будто я — женюсь, и въ какомъ замѣшательствѣ была Б., что я ей ничего объ

эпою не говорилъ. Добралъ Б. хотѣла было меня опять допрашивать. Изъ Бреславля ревнуешь къ Б. Раввинка; я изъ Лейпцига пушу въ нее нѣсколько громовыхъ свѣтъ за недостатковъ уваженія къ подругамъ ея друга.

Опять случилось, что въ дѣйствительной жизни моей тоже встрѣчается, что предсказываю я въ жизни біографической: въ „Палингенезіяхъ“ моихъ я женами. Ахъ, какъ я эту жену люблю, какъ знаю ее! и не смотря на то до сихъ поръ еще не видѣлъ ся образа, по крайней мѣрѣ вещественнаго.

Лейпцигъ 19. Января 1798. года.

Любезной Ошшо!

Хоть я шеперь сижу у самыхъ испочниковъ Липерашурныхъ и могъ бы рукою черпать изъ нихъ: но не нахожу ничего оп себѣ, впрочемъ попому только, что вообще нѣтъ ничего. Проклятая засуха духовная во всей Европѣ: другіе по крайней мѣрѣ хоть меня имѣютъ, а я ничего не имѣю въ продолженіи пяти лѣтъ, чтобы наполняло всю мою душу. —

За меня прядетъ сама судьба, я слышу шумъ колесъ, и прядиво это пройдетъ черезъ всю мою жизнь. Ты все узнаешь, только не-

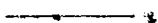
знаю когда. Между сдѣшними мушцинами мой ближайшій — Эршель, а Б ш. моя ближайшая. Я однакожъ не слишкомъ прикованъ. — Я нашелъ въ ней душу, кошорая еше ни одного разу неподходила подъ мой идеаль, и я былъ бы совершенно счастливъ съ нею, еслибы она несполько хопѣла бышь счастливою чрезъ меня. Съ нашею Амёною я заключилъ вѣчный миръ. Вдали я могу подько любить ее. Чпо ты мнѣ говорилъ объ ней и обо мнѣ, меня вдвойнѣ испугало. Но все прошло! Прекрасно, чпо всѣ мои дружбы въ *** имѣють на своей споронѣ и прелеснь юноши, и продолжисельность безсмертїя. Когда со временемъ наголовѣ моей вмѣсто волосъ будущъ только годы, (statt Haare nur Jahre) цпо я эшимъ прошедшимъ еше также сильно — вѣроятно даже сильнѣе — буду пламенѣнь какъ нынѣ.

17. Января.

Я вижу множесство рецензїй на себя, а не давно была напечатана въ Берлинскомъ Архивѣ ода на меня — но все эпо само не спойнѣ оды.

Чпо я тебѣ общалъ о Гёте, незначительно; онъ хорошо опзывается о Гесперусѣ, какъ мнѣ однажды случилось слышать опѣ

Алефельда и нехотѣлось тебѣ сказаць — далѣе однако онъ видишь, говоришь онъ, что я люблю добро не шуня — но что мозгъ его приходитъ въ судорожное движеніе, когда меня бросаешь изъ одной науки въ другую — что я слишкомъ выказываю мое знаніе; онъ также, говоришь онъ, имѣешь нѣкоторыя свѣденія, но пишешь только результаты; — наконецъ, что, когда онъ съ земли вознесенъ на небо, вдругъ является какая нибудь шушка; короче — я каюсь съ этой спорной.

Лейпцигъ 21. Февраля 1798. года.

Во всеобщей Нѣмецкой библіотекѣ напечатано на девяти страницахъ сужденіе обо мнѣ, скромное и хвалящее меня, а все таки глупое. Меня во всей Германіи раскупають, и все только *in grosso*, *п. е.*, *operebus omnibus*. Черезъ прекрасную, тонкую Графиню Мюнстеръ, къ которой я потчасъ послѣ этого письма иду, узналъ я много хорошаго, которое говорилъ обо мнѣ Якоби, также Графиня Шполбергъ. Якоби особенно, сверхъ моего ожиданія, считаешь кое-чѣмъ вѣщую часть Зибенкеса. Въ Новогднюю ярмарку велѣлъ я себѣ сварить копченую колбасу, (которую здѣсь только въ это время достать можно),

чтобы вечеромъ у меня было что нибудь, когда случится дома ужинашь: хвостикъ съ веревечкою еще цѣлъ оспался. Заключай! — Недавно на одномъ днѣ рожденія, копорой былъ для 50 человѣкъ днѣмъ пипья и шанцованья, познакомился я съ Кюпнеромъ (понкимъ и ученымъ человѣкомъ) и — съ Англією. Точно, я въ * * * былъ правъ: ничего тамъ нѣтъ дурнаго, кромѣ министра. Одного благороднаго Шопландца, Макдональда (знаменинаго въ Испоріи и въ Оссіанѣ) видалъ я за чужими обѣдами и за его собесѣдниками, и нашелъ въ немъ по духу близнеца Блерова, копорого проповѣди меня прежде такъ возносили, и копорому онъ личной другъ: нѣтъ, нѣтъ груди въ прехъ королевспвахъ, въ копорой бы подѣ благороднѣйшею, мужественнѣйшею наружноспью билось сердце болѣе мягкое, болѣе швердое, болѣе поэшическое и болѣе меланхолическое, болѣе благочестивое. Ахъ, такимъ себѣ воображаетъ юноша Брипанца изъ книгъ, и не смотря на то, эпопъ въ самомъ дѣлѣ паковъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

Г О Л О С Ъ

надъ

Г Р О Б О М Ъ Г Е Г Е Л Я.

Гегель умеръ! — отважнѣйшій, самоувѣреннѣйшій, и припомъ ученѣйшій изъ Философовъ современной Германіи, совѣщеникъ, соперникъ и побѣдитель Шеллинга, основатель одной изъ величайшихъ монархій въ областяхъ Философіи, Гегель умеръ!

Въ Россіи, гдѣ философская система Гегелева почти вовсе не извѣстна, куда дошла объ ней вѣсть только черезъ спраничку, въ копорую списнулъ ее Аспъ, въ Россіи можетъ быть болѣе участія возбудилабы смерть повара Ропшильдова, Карема, нежели смерть сего исполина, увлекшаго за собою великую часть мыслителей современной Германіи, сего Гиганта, взгромоздившаго выше всѣхъ предшественниковъ своихъ гору самомудрія.

Въ Россіи говорятъ о Гегелѣ, только разспроспранняя фразы Асповы, какъ о Философѣ, уклонившемся отъ Шеллинга. О великомъ переворотѣ, произведенномъ имъ въ умствennomъ мѣрѣ Германіи, мы почти ничего не знаемъ. Впрочемъ слава Богу! Чпобы взойти на ту высокую гору, гдѣ розы безъ

шиповъ расступъ, не необходимо всходитьъ на всѣ Монбланы, Эльборусы, Гималаи.

Не беремся давать почваго описанія о системѣ Гегеля. Но судя пошому, что объ немъ пишутъ многочисленные послѣдователи и противники его, и что мы извлекли, чиная его *Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften*, — философія его есть алмазъ въ мірѣ наукъ, алмазъ, твердѣйшее, блистательнѣйшее изъ — ископаемыхъ веществъ; это прозрачная, твердая, но каменная мысль, не оживленная духомъ жизни истинной. Если въ Кантѣ духъ человѣческій очнулся изъ просонокъ и, совершенно опидѣливъ себя отъ міра предметнаго, ясне Декарта, Локка, Лейбница произнесъ: Я, — опрекнишь отъ познанія всего, что находится выше разума и предметнаго, проспиранспвеннаго и временнаго, міра; если Фихте, чувствуя единство духа познающаго и духа, проявляющагося въ мірѣ предметномъ, опвлекся вовсе отъ послѣдняго и въ познающемъ духѣ увидѣлъ основаніе всего бытія вѣшняго; если Шеллингъ, перешагнувъ предѣлъ начерпанный разуму Кантомъ, возвысился до идеи, заключающей въ себѣ безусловное пождество бытія и вѣденія и, плѣненный открытіемъ своимъ, вмѣстѣ съ послѣдователями увлекся въ об-

ласть фанпазіи и поперялся въ свосправной иворческости ея: по въ Гегель, увидившемъ ограниченность абсолютной мощдественности Шеллинговой, проникнувшемъ въ нее глубже, хотя далеко недоспигнувшемъ до источника ея, умъ, какъ бы боясь (по собственному выраженію Гегеля) поперяться, подобно Шеллингу, въ областяхъ фанпазіи, весь превратился въ мысль и, поспавивъ тронъ свой на ледяной вершинѣ за снѣговою линіею, тамъ, въ мершвой области холода, создалъ прелесный призракъ, копорый, какъ Fata Morgana, нынѣ, играя въ лучахъ солнечныхъ, красуется на снѣхъ философской атмосферы Германіи.

Гегель умеръ! Изчезнетъ ли съ нимъ пламенный призракъ, шрудно рѣшить: по крайней мѣрѣ можно ожидать этого. Наблюдая движеніе умовъ въ современной Германіи, нельзя не замѣнить, что они какъбы успали и создавать подобныя воздушныя башни и вѣришь незыблемости ихъ. Шеллингомъ (ошрекшимся какъ извѣстно отъ большей части мыслей, взволновавшихъ столько умовъ Европы) и Гегелемъ, кажется, заключился круговоротъ самомыслия въ Германіи. Доспигнувъ степени полного самосознанія въ сихъ двухъ снеспемахъ, и какъ бы раздѣлившихъ въ нихъ на два по-

люба, въ школѣ Шеллинговой развившісь въ поэтическое самосознаніе воображенія, а въ Гегелевой въ прозаическое самосознаніе разсудка, — Философія какъбы опомнилась и какъбы увидѣла, что ни изъ молнійнаго Шеллингова умспивованія, ни изъ полярныхъ сіяній мысленія Гегелева — не изтекяетъ въ нее лучъ живо-пворящей истины, и что она въ брачной одежде фантазіи Шеллинговой и въ саванѣ мысли Гегелевой — равно плѣнна, равно призракъ. Кажется, она почувспивовала, что безсмертіе ея и возведеніе ея снова на степень мудрости — съ копорой низвелъ ее чувспивовавшій слабостъ человѣческую Пивагоръ — не зависиптъ ни отъ холоднаго умспивованія, ни отъ пламенной пворческой силы духа человѣческаго, а единспвенно отъ безусловнаго самоопроверженія его, отъ добровольнаго и совершеннаго покоренія его Богу-Слову, Копорый одинъ есть живая Премудрость, Премудрость прежде вѣкъ рождающая, и что — постигнувъ Истину, Имъ міру благовѣщенную, должно бытъ единспвеною цѣлью, единспвеннымъ вѣнцомъ всякаго мысленія.

Какъ живые листы и вѣтви, вѣпромъ Реформаціи опорванные отъ полузасохшаго тогда древа Вѣры, испоченнаго червями честолюбія и своскорыстія, безъ цѣли носились

умы Германскіе по мѣру воздушному, опвлечая и сосѣднія вѣтви и листы къ подобному општорженію, которое шѣмъ съ большимъ прескомъ должно было совершаться чѣмъ менѣе изпочены и изпочены были сучья, къ которымъ они принадлежали. —

Опорвавшись отъ дерева, и листки и вѣтви мечпали, что могутъ самобытно росши и цвѣсти, не пипаясь соками общаго корня. Одаренные необыкновенною силою жизни умспивенной, Спиноза и Лейбницъ, Кантъ и Фихте, Шеллингъ и Гегель, какъ большія, какъ сочные вѣтви лепали въ небесныхъ пространствахъ, вихремъ общаго мнѣнія вносимся къ верху и внизъ опускаемыя; и полпами слепались къ нимъ листья, къ нимъ прививались, съ ними вносились и — падали съ ними.

Но не по уже общее направленіе умовъ нынѣ въ Германіи: упихаютъ, улетаются ея бурные философскіе вихри и сквозь рѣдющія тучи пылы все яснѣе и яснѣе проглядываютъ упѣшипельная звѣзда, пушеводипельница Царей-пасырей.

Да отпущено будетъ Гегелю въ міръ вѣчномъ земное мудрованіе его, и да доспуна

будетъ Философу жизнь, которой онъ не чаялъ! но да изгладяшся съ смертию его и слѣды его философіи на землѣ! —

Гегель умеръ 14. Ноября новаго счисли 1831. года отъ удара и вмѣстѣ отъ холеры на 61. году отъ роду. Тѣло его, по собственному его желанію, похоронено близъ могилы Фихте, послѣ смерти котораго онъ занялъ кафедру Философіи въ Берлинскомъ Университетѣ. — (Въ слѣдующей книжкѣ сообщимъ краткую біографію Гегеля и что нибудь о его философіи.)

ЭСТОНСКАЯ ПѢСНЯ. (*)

Тю крошкой, Тю нѣжной
Не было милѣ мнѣ;
Но разцвѣлъ цвѣтчекъ — и высохъ,
И скосила смерть его.

(*) Къ сожалѣнію пѣсня сія не имѣетъ права называться національною. Она сочинена умершимъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ Пробытомъ въ Кегель 26 в. отъ Рев. Гольспомъ; и музыка также сшаришная Италіянская. Но не смотря на то, она есть произведеніе Эстонской Литературы, ибо сочинена на Эстонскомъ языкѣ и сдѣлалась любимомъ пѣснемъ Эстонцевъ. Размѣръ подлинника сохраненъ въ переводѣ; и въ подлинникѣ ритмъ также нѣтъ. —

Такъ въ семь міръ исчезають
Краткой жизни радости!
Нынче солнце намъ сіяетъ,
Завпире въ шухахъ неба сводъ.

Покрывай, земля сырая,
Прахъ драгой; могильный холмъ
Украшайте, цвѣты вешни;
Соловей, поскуй пахъ нимъ! —

Но — цвѣтешь ты снова, Тіо,
Въ горнемъ саду Божіемъ!
Мчись, о время! съедини насъ
Тамъ, гдѣ вѣкъ разлуки нѣтъ!

Краткое
біографическое извѣстіе
о
ЖАН ПОЛЬ ФРИДРИХЪ РИХТЕРЪ
до 1796. года.

Жан Поль Фридрихъ Рихтеръ родился 1763. года Марта 11. въ Вунзидель, небольшомъ городѣ подлѣ Фихшельскихъ горъ. Опецъ его былъ шамъ органистамъ и въ послѣдствіи паспоромъ. Сначала учился Жан-Поль въ школѣ въ деревнѣ Іодицѣ, гдѣ опецъ его былъ

также нѣкоторое время паспоромъ. Но скоро опецъ взялъ его, опшуда и спалъ училъ самъ. У опца Жан-Поль учился кое какъ. Въ библіотекѣ опцовской, когда удавалось ему шуда входилъ, съ особеннымъ вниманіемъ читалъ онъ orbis-pictus, разговоры въ царствѣ мертвыхъ и другія подобныя сочиненія. Когда опецъ его сдѣлался паспоромъ въ Вунзидель по рекпоръ тамошняго училища, Вернеръ, занялся съ особеннымъ прилежаніемъ обученіемъ Жан-Поля, который вскорѣ оказалъ успѣхи въ Латинскомъ, Греческомъ и Еврейскомъ языкахъ. Географіи и Нѣмецкому языку учился онъ тамъ у капелмана Фелькела. У одного сосѣдняго деревенскаго паспора увидѣлъ онъ нѣсколько крипическиххъ повременныхъ изданій, это удвоило въ немъ охоту къ ученію. Онъ читалъ и перечитывалъ особенно Мишавскую и Всеобщую Нѣмецкую библіотеку и дѣлалъ изъ нихъ многочисленныя извлеченія, которыя послужили основаніемъ огромному собранію подобныхъ извлеченій, коими наполнены были у него въ послѣдствіи цѣлые сундуки. Такъ какъ богословія былъ предметъ, для котораго назначалъ его опецъ, то онъ заранѣе уже началъ читать сочиненія, относящіяся къ сему предмету, въ особенности Землера. Извлеченія его доказываютъ, что онъ тогда уже любилъ и

Философію и особенно Психологію. Въ 1779. году вступилъ онъ прямо въ высшій классъ Гимназіи въ Готѣ. Капцъ, Реннебаумъ и Киршъ были здѣсь главными его учителями. Изъ Готы отправился онъ въ Лейпцигскій Университетъ въ 1780. году. Здѣсь, почувствовавъ особенную склонность къ Поэзіи, оплодотворилъ занятіе Богословіемъ. Въ Лейпцигѣ въ 1783. году издалъ первое свое сочиненіе безъ подписи имени: *Die gründtändischn Prozesse oder satyrische Skizzen*. Подъ вѣроятнымъ его сочиненіемъ было подписано имя: *I. P. F. Gausz*. Имя Жан-Поль въ первый разъ встрѣчается на сочиненіи: *Die unsichtbare Loge*. Доспойно замѣчанія жилище, въ которомъ развивался тогда его странный поэтический умъ. Онъ жилъ съ матерью въ одной комнатѣ, бывшей въ то же время и кухнею. Между тѣмъ какъ мать занималась спрядываньемъ кушанья и голуби ворковали и бѣгали и лепали по комнатѣ, Рихперъ занимался въ углу за простымъ столомъ, на которомъ лежало нѣсколько книгъ и цѣлые кипы извлеченій и рукописей.

Выѣхавъ изъ Лейпцига Жан-Поль жилъ нѣсколько лѣтъ съ ономъ въ Шварценбахѣ, потомъ въ Готѣ, потомъ опять въ Лейпцигѣ. Слава его возростала быстро. Особенное одоб-

реніе публики вскорѣ заслужили Гесперусъ, жизнь Квинтуса Фикслеина, Зибенкесъ и др. Замѣчательнѣйшій періодъ жизни его начинается со времени прибытія его въ Веймаръ, гдѣ онъ вскорѣ познакомился съ исполинами тогдашней Нѣмецкой Словесности.

Изъ писемъ Жан-Поля къ ближайшему его другу, Ошпо, копорыя мы (часто сокращая) выбрали изъ переписки ихъ, напечатанной въ 1829. въ Берлинѣ, лучше нежели изъ сухой біографіи можно видѣть и приключенія и духъ его; поэтому оспанавливаемся здѣсь на 1796. году, когда онъ приѣхалъ въ Веймаръ. По оппечатаніи небольшого извлеченія изъ переписки его сообщимъ заключеніе біографическаго извѣстія и разныя сужденія о духѣ Жан-Поля. При семъ кешапи скажемъ, что Хрисціанъ Ошпо былъ сынъ паспора въ Гофѣ, благодѣтельспвовавшаго Рихтеру въ дѣлспствѣ. Ошпо долженъ былъ по желанію родителей начать въ Университетѣ изученіе Богословіи, но вскорѣ обратился къ занятію Юриспруденціею. Издатели переписки выхваляютъ его чрезвычайно скромное мнѣніе о самомъ себѣ. Онъ печаталъ въ послѣдствіи нѣкоторыя спашьи своего сочиненія, но только подъ выдуманнми именами.

ИЗВѢСТІЕ

о воспитаніи

КАРЛА ВИТТЕ.

Сообщивъ взглядъ Карла Витте на поэзію Данте, надѣмся, что, краткое извѣстіе о необыкновенной тонкости сего писателя будетъ также занимательнымъ, по крайней мѣрѣ, для нѣхъ Читапелей, копорымъ оспалось неизвѣстнымъ это явленіе педагогическаго міра.

Почерпастъ извѣстіе сіе изъ I. No. *Kritische Bibl. für Schul- und Unterrichtswesen*, Зебодс 1821. года. Тамъ помѣщенъ разборъ книги, изданной опцемъ Карла Витте о воспитаніи его.

Карлъ Витте родился въ Верхней Саксоніи въ мѣстѣчкѣ Лохау. Отецъ его, шамоншій Священникъ, человекъ не высокой учености, какъ самъ о себѣ говоритъ, тщательнымъ домашнимъ воспитаніемъ довелъ его до того, что Карлъ Витте въ началѣ 9. года опъ роду съ свидѣтельствомъ совершенной зрѣлости былъ принятъ студентомъ въ Лейпцигской Университетъ, на 10. году перешелъ въ Геттингенъ и тамъ такъ успѣлъ въ высшей

Маппемаппикъ, что въскорѣ не безъ славы явился сочинителемъ. На 14. году получилъ Докторскій дипломъ въ Гисенскомъ Университетѣ, потомъ перешелъ въ Гейдельбергъ, занялся тамъ особенно Юриспруденціею и на 16. году опять роду получилъ степень Доктора Правъ.

Въ Германіи много и весьма различно судили о семъ опрокѣ Докторѣ. Одни удивлялись, другіе не вѣрили; одни приписывали все природѣ, другіе искусству опца и маппери; одни говорили, что это парниковое расштѣніе, воспитанное на счетъ плѣснаго здоровья ребенка, другіе думали, что ему набили только память всякой всячиной, не давъ развиться разсудку. Всѣ же были согласны, что это необыкновенное созрѣніе должно было въ молодомъ скороспѣлкѣ погубить скромность и дѣйскость.

Въ опроверженіе всѣхъ сихъ сужденій, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ, опецъ за долго до изданія вышеупомянутой книги поспарался ввести сына своего въ свѣтъ и доставить ему свидѣтельства отъ мужей, которыхъ имена съ уваженіемъ повноряются въ ученомъ и гражданскомъ мірѣ, въ коихъ они съ похвалою опзывались не только

о познаніяхъ и способностяхъ молодого человека, но и о зрѣлости разсудка и вкуса, о цвѣтущемъ здоровьи и неиспорченной дѣйскости. Всѣ сіи свидѣтельства были сообщены публикѣ посредствомъ повременныхъ изданій.

Симъ возбуждено было любопытство, особливо воспитателей, узнать, какъ поступалъ отецъ при воспитаніи своего сына. Именно славный Песталоцци приглашалъ отца нѣсколько разъ, издавъ исторію воспитанія Карла Виппе.

(Рецензентъ, находящій въ книгѣ много и излишняго, говоритъ, что изъ нее видно, что въ воспитаніи молодого Виппе школа и жизнь, слово и созерцаніе дѣйствительности всегда были нераздѣльны.) Вотъ мѣсто изъ самой книги извлеченное Нѣмецкимъ рецензентомъ, которое коротко изображаетъ ходъ и способъ его воспитанія:

„Уже на первомъ году брали мы его всюду съ собою, и, сколько было можно, со всѣмъ знакомыми, и тѣмъ щастливѣе, чѣмъ болѣе его что нибудь привлекало. Въ первые два года жизни своей объѣздилъ онъ съ нами Мерзебургъ, Гамле, Лейпцигъ, Вейсенфельсъ, Наумбургъ, Дессау, Верлицъ, Виппенбергъ и пр. и озна-

комился (?) въ сихъ мѣстахъ со многими, чегобы ни когда не увидѣлъ дома.“

„На прешнемъ и четвертомъ году онъ еще чаще посѣщалъ сіи мѣста и глубже вѣрять въ памяти, что прежде видѣлъ и слышалъ, и болѣе распространилъ кругъ познаній. Разумѣлся ему представляемы были шире и болѣе важные и для него болѣе занимательные предметы. На прешнемъ году онъ прожилъ въ Лейпцигѣ близъ восьми недѣль, а на четвертомъ и пятомъ былъ сомною въ Магдебургѣ, Гальбершнадтѣ, Зальцведелѣ, Шпендалѣ, Мансфельдской области, близъ Гарца и пр. — Во всякое общесство бралъ я его съ собою; показывалъ всякую достопримѣчательность.“
и пр.

Такимъ образомъ пригопвленъ былъ духъ его, когда ввели его въ міръ книжный. Когда онъ началъ учиться читать, то языкъ уже былъ знакомъ ему; когда онъ спалъ занимался переводами съ одного языка на другой, то означаемые словами предметы были ему уже на дѣлѣ извѣстны. Это по, кажется, заключае въ себѣ всю тайну быспраго развитія ребенка. Безъ сомнѣнія нѣкоторыя случайныя обспоятельства также содѣйствовали заботливому опцу. Безъ сомнѣнія обязанъ онъ

многимъ и содѣйствію нѣжночувствительной и благоразумной супругѣ своей. Сверхъ того должно замѣтить что чадолубивымъ родителемъ посчастливилось найти служанку разумную и болѣе нежели обыкновенную, которая понимала воспитательный планъ ихъ и не только непротивопоставала имъ приводить его въ исполненіе, но даже содѣйствовала.

Не присовокупляемъ замѣчаній о семъ нѣмецкомъ, анпиграмматическомъ образѣ воспитанія, надѣясь впередъ имѣть случай, высказать наши мысли о воспитаніи вообще, которыя могутъ быть и сюда приурочены. Неоспоримымъ однакоже намъ кажется, что, какъ ни нападали на него, но взглядъ Карла Витте на поэзію Данте доказываетъ степень умственного развитія въ Сочинителя, ошъ которой далеки иные знаменитые критики Нѣмецкіе. Какимъ, на примѣръ, земнымъ глазомъ смотришь на Данте знаменитый Августъ Вильгельмъ Шлегель! См. *Ueber Dante Mighieri göttliche Comedie*, въ *Akademie der schönen redenden Künste v. G. H. Bürger*, 1791.

ОСТЬ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

О ЧУМѢ ВЪ РЕВЕЛѢ

въ 1710 году.

Въ 1771. году издалъ въ РевелѢ Докпоръ Медицины и Корреспондентъ Штокгольмской Академіи Наукъ Пётръ Фридрихъ Кёрберъ небольшую книжку о чумѣ и другихъ заразахъ, съ краткимъ историческимъ обзоромъ свирѣпствованія ихъ на землѣ и обстоятельнымъ извѣстіемъ о чумѣ опустошавшей въ 1710. году Ревель. Полагая, что книжка сія не многимъ въ Россіи извѣстна, и надѣясь, что Любители отечественной Исторіи найдутъ извѣстіе сіе занимательнымъ, сообщаемъ Читателямъ Радуги извлеченіе изъ него.

Возникшая въ 1703. году въ Венгріи чума въ 1705 явилась и въ Польшѣ; въ 1706 черезъ Торнъ перешла въ Данцигъ и другіе мѣста Пруссіи. Отсюда занесена она въ 1709 также

въ Лифляндію, а въ 1710 появилась и въ Эспляндіи. Извѣстно, что тогда находились въ обѣихъ областяхъ Россійскія войска, что безъ сомнѣнія содѣйствовало къ распространенію чумы. Какъ и къмъ занесена она въ Ревель, въ кощорый спекались тогда изо всей Эспляндіи искавшіе безопасности опѣ войскъ, неизвѣстно. Извѣстно только, что изъ дома Андр. Книпера, гдѣ прежде всѣхъ захворала дѣвица по имени Бухау, она быспро распространилась повсѣму Ревелю. Лечившій ее Докщоръ Миліусъ донесъ предѣдательствующему Бюргермейстеру 2. Августа, что у ней чумная желѣза за ухомъ. Посланъ былъ для освидѣтельствванія больной Шпацифизикъ Докщоръ Гаппель. Онъ объявилъ желѣзу простымъ кровавымъ нарывомъ, назвавъ его *fungulus*. Больная однакоже вскорѣ умерла, и вскорѣ за нею вымерли всѣ жильцы того дома, кромѣ одной пожилой дѣвушки. Миліусъ снова предлагалъ, чтообы приняли мѣры оспорожности. Наконецъ 16. Августа приказано было опѣ городского Начальства, чтообы впредѣ всѣхъ, кощорые умрутъ опѣ желѣзъ, карбункуловъ или скоростнижно, во время похоронъ покрывали особымъ покровомъ. Вскорѣ потомъ 24. Августа городовое Духовенство просило Магистрантъ назначить особыхъ проповѣдниковъ для

зараженныхъ чумою, чпобы пѣмъ отвратить распространѣніе оной посредствомъ духовныхъ особъ. Магистратъ, по представленію Доктора Гаппеля, отвѣчалъ, что теперь пока этого не нужно, потому, что настоящей чумы до сихъ поръ еще не оказалось.

Такимъ образомъ началась чума, свирѣпствовавшая нѣсколько мѣсяцевъ съ неописанною жеспокою. Сначала записывали число умирающихъ (28. Августа, 1, 8. и 12. Сентября умерло болѣе всего); но съ 12. Сент. записывать уже было невозможно. До самаго 3. Января не было вовсе списковъ умершихъ. Изъ этого времени есть донесенія при Магистратскихъ пропоколахъ, что не доставало ни гробовъ, ни носильщиковъ мерныхъ пѣлъ. Всѣ обряды похоронные были осѣвлены. Нѣсколько кладбищъ было отвѣдено внѣ города.

Магистратъ въ этоже время распустилъ роту солдатъ, которую содержалъ, потому, что командовавшій ею Капитанъ Кешплеръ, донесъ, что въ ней изъ 50 человекъ оспалось только 15. — Въ такомъ состояніи Ревель осажденъ былъ Русскими подъ начальствомъ Генерала Бауера.

Во время осады Рыцарство письменно опносилось къ тогдашнему Шведскому Вице-Губернатору Горну съ просьбою, чѣобы онъ либо принялъ лучшія мѣры къ снятію осады, либо вступилъ въ переговоры о сдачѣ города. „Чума опъ сѣщенія города, писало Рыцарство, такъ свирѣпствуетъ, что цѣлыя сѣмейства опъ нее вымираютъ, общественныя связи разрываются, такъ, что родители боятся и убѣгаютъ дѣшей своихъ; множество бѣдныхъ оспаютъ непохороненными, и не только комнаты наполнены мерзвыми тѣлами, но и по улицамъ лежатъ оныя во множествѣ на сѣденіе собакамъ и кошкамъ.“

Наконецъ принуждены были 30. Сентября просить капитуляціи и наканунѣ сдачи города вечеромъ оспапокъ Шведскаго гарнизона съѣзъ на корабли и отправился въ Швецію.

До начала Декабря продолжалась чума, и послѣдній умершій опъ нее былъ Кельхъ, шопъ самый, копорому мы обязаны Лифляндскою Лѣшонисю.

Вступивъ въ городъ и видя, что чума ослабѣла, Генераль Бауеръ приказалъ исчислить сколько жилищей умерло и сколько оспалось въ живыхъ. Слѣдующее исчисленіе ему было представлено:

Въ живыхъ осталось:

Мужей и женъ	566
Дѣтей	409
Слугъ	846
Холосныхъ	141
Конспабелей въ городъ съ Офи- церами	19
Пушкарей (Artilleriehandlanger)	9
всего	1990.

По другому исчисленію, сдѣланному на слѣдующій годъ 11. Іюня, оказалось въ предмѣстьяхъ 304 домовъ, и въ нихъ всего 215 человекъ жителей, изъ числа которыхъ 130 способныхъ носить оружіе.

Умерло, сколько можно было узнать:

Въ 4. кварталахъ города	5687
Шведскаго войска	800

Всего съ умершими въ предмѣстьяхъ около 15000.

По всемъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, говорить сочинитель, должно сразу сію причислить къ насюющимъ чумамъ. Она обнаруживалась чрезвычайнымъ, жгучимъ жаромъ, соединеннымъ съ сильною головою болью и необыкновенной слабостью желудка, доводившею до безчувствія. Все это сопровождалось обыкновенно помѣша-

пелъспвомъ ума. Лице больного обезображилось; большая часть имѣли желѣзы въ мягкихъ мѣстахъ и на шеѣ, не многіе имѣли корбункулы. Переломъ былъ обыкновенно на четвертый день. Изъ имѣвшихъ желѣзы въ мягкихъ частяхъ пѣла оставались въ живыхъ немногіе, еще меньшее число изъ шѣхъ, у которыхъ были желѣзы на шеѣ, а съ корбункулами умирали всѣ.

Изъ Ревеля распространилась чума и по Эстляндіи. Больше всего пострадали Гарріенскій и Викскій округи. Острова, Даго, Руноэ, Наргенъ и Вульфъ остались незараженными, также принадлежащее фамиліи Паленъ имѣніе Пальмсъ. Ост. Вормсъ лишился не многихъ жителей.

Замѣчательно, что въ приходѣ церкви Св. Николая въ Ревелѣ, гдѣ въ 1700 было обвѣнчано 18 паръ, въ 1706 — 33 п., въ 1707 — 28 п., въ 1709 — 11 п., въ 1710 — 15 п., послѣ чумы въ нѣсколько дней сочелось бракомъ 80 паръ.

Губернская
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
въ Ревелѣ.

Желательно бы знать, какой плодъ принесла превосходная мысль, содѣйствованіе рас-

пространенію просвѣщенія въ Россіи учрежденіемъ Губернскихъ публичныхъ библіотекъ. Считаемъ обязанностію донести Публикѣ, съ какимъ удовольствіемъ и съ какою благодарною готовностію, содѣйствовать попечительному Правительству, принята была мысль сія въ Ревель.

Тотчасъ по полученіи предложенія Г Министра, въ коемъ изображена ВЫСОЧАЙШАЯ воля объ учрежденіи библіотекъ, Его Превосходительство Г. Гражданскій Губернаторъ Баронъ Будбергъ чрезъ Ревельскую недѣльную газету приглашалъ Любителей просвѣщенія содѣйствовать благошворному намѣренію Правительства посильными приношеніями; и вскорѣ нашлись, хотя немногочисленные, но радужные участники.

Кромѣ разныхъ частныхъ приношеній, пожертвовано въ пользу публичной библіотеки нѣсколькими особами — составленное ими за нѣсколько лѣтъ предъ симъ — собраніе книгъ, большею частию историческаго и юридическаго содержанія, содержащее до 4000 томовъ. Чрезъ нѣсколько времени присоединена къ публичной библіотекѣ и библіотека церкви Св. Олая, состоящая почти изъ 2000 томовъ, по большей части богословскаго и историческаго

содержанія. Шварценгейпперскій клубъ далъ большую комнату для помѣщенія библіотеки. И такъ публичная библіотека наша нынѣ состоитъ слишкомъ изъ 6000 томовъ. Русскихъ книгъ въ ней весьма мало; большая часть на Нѣмецкомъ языкѣ. Но есть въ Ревелѣ Поршовому вѣдомству принадлежащее собраніе Русскихъ книгъ числомъ до 1000 томовъ, которое весьма бы обогатило публичную библіотеку, еслибы могло бытъ присоединено къ ней.

Сверхъ того выписываются на деньги собираемыя отъ ежегодныхъ частныхъ приношеній нѣкоторыя журналы, какъ то: *Jahrbücher für wissenschaftliche Critik*, *Blätter für litterarische Unterhaltung*, *allgemeine Kirchenzeitung*, *evangelische Kirchenzeitung* и мн. др.

Изъ обѣщанныхъ за годъ предъ симъ нѣкоторыми Гг. Русскими Писателями книгъ и журналовъ до сихъ поръ еще ни чего не прислано.

Впрочемъ, не смотря на готовность многихъ жителей Ревельскихъ способствовать сему общепользному заведенію, все еще недостаешь денегъ для приведенія онаго въ надлежащее состояніе: всѣхъ годовыхъ взносовъ едва достаетъ на выписку повременныхъ изданій; даже оплачивать комнаты не на что. Также къ сожалѣнію должно признаться, что библі-

пека сія до сихъ поръ не имѣетъ еще характера настоящей публичной, а очень еще сбивается на частную; потому что доступна только для тѣхъ, которые внесли опредѣленную сумму и сверхъ того только одинъ разъ въ недѣлю.

Со временемъ предоспаваемъ себѣ сообщить Публикѣ краткое извѣстіе одостопримѣчательнѣйшихъ книгахъ хранящихся въ нашей библіотекѣ; теперь она еще не вся приведена въ порядокъ, а Олаевская еще и вовсе неразобрана.

БИБЛІОГРАФІЯ РЕВЕЛЬСКАЯ

за 1830. и 1831. годы.

Мы увѣрены, что во многописаніи и многопечатаніи, какъ во многоглаголаніи, нѣсть спасенія; и не съ тѣмъ сообщаемъ краткій отчетъ о библіографіи Ревельской, чтобы показать, что и нашъ уголокъ, хоть не тягается съ сопнями городковъ Германіи (которые кишатъ разнаго рода и толстыми и тоненькими и массивноучеными и пакъ называемыми беллепричес-

кими сочиненіями и имѣютъ обыкновенно хоть одно повременное изданіе, съ ученою точностію сообщающее потомству подробнѣйшіе описанія о театрахъ и ярмаркахъ, и украшаемое обыкновенно предлинными, скучными повѣстями и испещряемое вялыми рѣзюрованными остротами), но что хоть по крайней мѣрѣ больше многихъ глухихъ городковъ Россіи пишутъ и печатаютъ: и безкнижные иные уголки Русскіе, которые намъ кажутся погруженными въ мракъ невѣжества, потому что мы привыкли на бумагѣ, а не въ жизни искать оппечатковъ просвѣщенія, могутъ занимать высшую степень на лѣстницѣ къ совершенству духовному, нежели иной многоглавый либературный городъ. — Наше Ревельское кое-что книжное сообщаемъ поному, что оно есть.

Въ Ревелѣ двѣ типографіи. Въ типографіи наслѣдниковъ Линдфорса напечатано въ послѣдніе два года:

1) 7 броширокъ религіознаго содержанія на Эстонскомъ языкѣ, Г. Геннингомъ, Паспоромъ въ Кирхшпилѣ Св. Петра.

2) Исторія Эстляндіи на Нѣмецкомъ языкѣ, Старшимъ Учителемъ Гимназіи Колл.-Совѣшникомъ Виллигеродомъ, I ч.

3) Проповѣди на Нѣмецкомъ языкѣ, Докпо-
ромъ Юліусомъ Валперомъ въ Вольмарѣ. 1 ч.

4) Басни и Параболы на Русскомъ языкѣ, Ни-
колаемъ Бенецкимъ. 1 ч.

5) Исторія Общесства Шварценгейнперовъ,
Комм.-Сов. Виллигеродомъ. 1 ч.

6) Сѣмейный театръ для дѣтей, на Франц.
языкѣ, Вашиерономъ. 1 ч.

7) Грамматическія таблицы на Французскомъ,
языкѣ, Вашиерономъ, 2 листа.

8) Первая, вторая и третья книжки Русской
библіотеки для Нѣмцевъ, Карломъ Ф. Кноррин-
гомъ. —

Въ типографіи Г. Гресселя:

Въ 1830. году: Гимназическая программа
по случаю трехсотлѣтняго юбилея представ-
ленія государственному Сейму въ Германіи
Аугсбургскаго исповѣданія.

Сверхъ того каждый годъ печатаются въ
каждой изъ двухъ типографій календарь на
Нѣмецкомъ и Эспонскомъ языкѣ, въ 16. долю л.
къ кошорому обыкновенно присовокупляются
разныя анекдоты, повѣсти, шаррады и. и. и.

Въ типографіи наслѣдниковъ Линдфорса
печатаются слѣдующая книга, кошорую Ав-
шоръ намѣренъ современемъ издать и на Рус-
скомъ языкѣ:

Anfangsgründe der Buchstabenrechnung und Algebra zur Repetition des mündlichen Unterrichtes in diesen Wissenschaften, nebst Übungsaufgaben; von E. H. Kupffer, Doctor der Philosophie, Hofrath und Oberlehrer der Math. am Gymnasium zu Reval.

Опрывокъ изъ Нѣмецкаго перевода
комедіи: Горѣ ошъ ума.

Въ прешней книжкѣ Русской библіотеки для Нѣмцевъ Г. Кноррингъ помѣстилъ переводъ знаменипой нашей комедіи: Горѣ ошъ ума. Отказавшись принимать на себя званіе цѣнителя и судіи, сообщаемъ на выдержку небольшой опрывокъ изъ перевода Г. Кнорринга. Избираемъ для сего сцену десятую изъ прешняго дѣйствія:

Die vorigen, die alte Ehlostom.

Die alte Ehlostom.

Ist es wohl leicht, mit fünf und sechszig Jahren,
Nichte, mich herzuschleppen noch zu Dir?
Ach, Marter! Von Pokrowka *) bin gefahren
Ich eine Stunde; alle Kraft fehlt mir!
Die Nacht ist ja, so wie das End' der Welt!
Aus Langweil', daß mich was unterhält,
Hab' ich ein Mohrenmädchen mitgenommen
Und einen Hund; daß sie nachher bekommen
Zu essen, Herzchen, wirst Du sorgen müssen.
Vom Abendtisch schiel' einen Lackerbissen.
Fürstin, willkommen! (setzt sich.) Du, Sophiichen, nun,

*) Eine Straße in Moskau.

Welch eine Mohrin muß mir Dienste thun!
 Krausköpfig, mit höckrigtem Schulterblatt!
 Die böse ist, Razenmanieren hat,
 Und dann wie schwarz, erschrecklich ist sie recht!
 Erschaffen hat doch Gott ein solch' Geschlecht
 Teufel; — im Mädchenzimmer wird sie seyn;
 Soll man sie rufen?

Sophie.

Geht wohl nicht, o nein!

Die alte Chlöstow.

Denk' Dir, wie wilde Thiere werden die
 Zur Schau geführt, so sagt man ist der Brauch,
 Da wo — — es giebt so eine türk'sche Stadt.
 Doch weißt Du auch, wer sie verschafft mir hat?
 Anton Antonowitsch Sagorek (er erscheint vor ihr.)
 Lügenmäulchen, Spieler, Schelmchen auch
 (er zieht sich wieder zurück.)

Ist er. Die Thür' wollt' ich ihm schon verschließen,
 Doch ist er immer voll Dienstfertigkeit.
 Schwester Praskowia und mir hat er doch müssen
 Zwen Neger schaffen, in der Jahrmachtszeit
 Gekauft, sagt er; gewiß im Spiel betrogen.
 Mir war's Geschenk, und ich blieb ihm gewogen,
 Und Gott verleihe ihm immer Gesundheit.

Ischahki (lachend zu Platon Michailowitsch.)
 Kann man bey solchem Leb' sich wohl befinden?
 Selbst Sagorekhi hielt's nicht aus, verschwand!

Die alte Chlöstow.

Wer ist der lust'ge Mann? Was ist sein Stand?

Sophie.

Der? — Ischahki.

Die alte Ehlostow.

Nun! was muß' er thöricht finden?
 Worüber freut er sich? Was giebt's zu lachen?
 Will er sich über Alte lustig machen?
 Das ist sündlich; jetzt besinn ich mich,
 Er tanzte mit Dir, als Du noch ein Kind;
 Die Ohren zupft' ich ihm, doch zu gelind.

ИМЕНА ОСОБЪ,

благоволившихъ подписаться на Радугу,
до 21. Декабря 1831. года.

Въ Ревелѣ.

Его Пр. Г. Гражданскій Губернаторъ, Тайный Совѣтникъ
Баронъ Будбергъ. — Его Пр. Г. Коммендантъ Пашкуль. —
Его Пр. Г. Вице-Губернаторъ Левенштернъ. — Ихъ Вб. Г.
Полковникъ Тишининъ; Г. фонъ Гернепъ; Г. Коллежскій
Совѣтникъ Корсаковъ. — Ея. Вл. Дѣвица Софія Алексѣевна
Спиридова. — Его Вл. Г. Учитель Типуллр. Совѣтникъ
Бенецкій. — Г. Кунецъ Ив. Тимоф. Рудевъ. —

Въ Мишавѣ.

Его Вл. Г. Старшій Учитель Чашниковъ.

Въ Москвѣ.

Его Пр. * * *. — Двора Его Императорскаго
Величества, Г. Каммергеръ Дмипріевъ. — Надворный
Совѣтникъ С. М. Офросимовъ; — Г. Главный Надзирашль
Богоугодныхъ заведеній Приказа Общ. Призр. Ягъ. — Его
.. Г. * * *. — Г. Помощн. Контролера Волковъ.

Въ Балашевѣ.

Его Вб. Ив. Мих. Фроловъ.

Въ Клинѣ.

Его Вб. Серг. Павл. фонъ Визинъ.

Въ Шкловѣ.

Купеческій Братъ Г. Борисовъ.

Въ Зарайскѣ.

Г. Полковникъ Гр. Н. Коробьинъ.

Въ Рязани.

Гг. Старшіе Учителья Гимназій.

Въ Карачевѣ.

Г. Штабсъ-Капитанъ Осиповъ.

Въ Костромѣ.

Губернская Гимназія.

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 22. December 1831.

**Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.**

**Regierungs-Assessor Baron v. Rosen,
in Abwesenheit des Censors.**

Содержаніе Радуги:

	Стр.
Гдѣ мы ищемъ свѣта!	1.
О взглядѣ Карла Винше на поэзію Данте	27.
Философія Барона Экштейна	34.
Изъ переписки Жаа-Поля Фридриха Рихтера съ Христіаномъ Оппо	41.
Голосъ надъ гробомъ Гегеля	57.
Эстонская пѣсня	62.
Краткое біографическое извѣстіе о Ж.-П. Ф. Рихтерѣ до 1796. г.	63.
Извѣстіе о воспитаніи Карла Винше	67.

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ:

	Стр.
О чумѣ бывшей въ Ревелѣ въ 1710. г.	1.
О публичной Губернской библіотекѣ въ Ревелѣ	6.
Ревельская бібліографія за 1850. и 51. годы	9.
Отрывокъ изъ Нѣмецкаго перевода Комедіи: Горѣ отъ ума	12.

Журнала сего выходятъ ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною отъ 5хъ до 6хъ и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12. книжекъ, въ Ревелѣ 20, съ пересылкою во всея города Россійской Имперіи 24 рубля асс. — Въ Москвѣ подписка принимается въ Газетной Экспедиціи и въ Конторѣ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ Газетной Экспедиціи и въ книжномъ Магазинѣ А. Ф. Смирдина. Прочіе Гг. Иногородные благоволяющіе адресовать также на имя издателя Андр. Пав. Бюргера въ Ревель. —
